

ISSN 2072-3636

№ 3
2021

Администратор суда

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Медиация в сфере
гражданской юрисдикции
Российской Федерации

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Finis sanctificat media,
или Возврат имущества
у добросовестного приобретателя

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Судебное преодоление
пробелов в праве через призму
исторического опыта

юрист
издательская группа

АДМИНИСТРАТОР СУДА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

3

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Учредитель: Издательская группа «ЮРИСТ»

2021

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-29184 от 23 августа 2007 г. Издаётся с 2006 г.

В номере:

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Михайлова А.Д. Особенности работы пресс-секретаря суда в провинции 3
Марочкина В.В. Валидация как гарантия качества судебно-почерковедческой экспертизы 6

СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Дербишева О.А., Кудряшева И.В. Медиация в сфере гражданской юрисдикции Российской Федерации 10
Чекмарева А.В. Некоторые вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в условиях формирования информационного общества 15

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Смагина Е.С., Чупилин Д.А. Проблемы обеспечения состязательности по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (часть 1) 20

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Комолов А.Л. Finis sanctificat media, или Возврат имущества у добросовестного приобретателя 26
Михайлова Е.В. О критериях разграничения административного и гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики 30
Шумов П.В., Петрова Е.С. Проблемные аспекты определения размера судебной неустойки (астрента) в правоприменительной практике 36

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

- Степанов М.М. Судебное преодоление пробелов в праве через призму исторического опыта 40

ДИСКУССИЯ

- Ильяхов А.А. Реформирование суда присяжных заседателей в России в рамках расширения его подсудности, изменения численного состава и реализации прав граждан на участие в отправлении правосудия: вопросы теории и практики 45
Титов П.М. Частное обвинение: необходимость ликвидации или совершенствования? 49

ТРИБУНА ПОМОЩНИКА СУДЬИ

- Нестеров В.М. Основания прекращения судом второй инстанции производства по жалобам на постановления (решения) судов первой инстанции по делам об административных правонарушениях 53

Главный редактор:

Слюсарь Н.Б., к.ю.н.

Шеф-редактор:

Бабкин А.И., профессор

Редакционный совет:

Голошумов Е.В., к.полит.н.

Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор

Паршин А.И., к.ю.н.

Ренов Э.Н., профессор

Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор

Фоков А.П., д.ю.н., профессор

Шерстюк В.М., д.ю.н., профессор

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный

юрист РФ, член-корреспондент РАО

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Бельх В.С.,

Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс по каталогам:

Объединенный каталог:

Пресса России — 18994

Вниманию наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс».

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного

цитирования (РИНЦ) [eLIBRARY.RU](http://elibrary.ru)

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения редакции или авторов статей преследуется по закону.

Цена свободная.

Формат 170x252.

Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0.

Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 3000 экз.

ISSN 2072-3636.

Номер подписан в печать 13.08.2021.

Выход в свет 26.08.2021.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел. (4842) 70-03-37

COURT ADMINISTRATOR

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

3

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publication of basic results of candidate and doctoral dissertations

Founder: Jurist Publishing Group

2021

Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with the Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-29184 of August 23, 2007.
Published since 2006.

Editor in Chief:

Slyusar' N.B., PhD (Law)

Chief-editor:

Babkin A.I., professor

Editorial Board:

Goloshumov E.V., PhD (Political Science)

Kolokolov N.A., LL.D., professor

Parshin A.I., PhD (Law)

Renov E.N., professor

Truntsevskij Yu.V., LL.D., professor

Fokov A.P., LL.D., professor

Sherstyuk V.M., LL.D., professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, Honored lawyer of the RF, corresponding member of the RAE

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 multichannel

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Address editors: Bldg. 7, 26/55,

Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035,

Tel. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press — 18994

For the attention of our authors!

Certain materials of the journal may be placed at the electronic ConsultantPlus reference legal system.

The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Complete or partial reproduction of materials without written permission of the editorial office or authors of the articles shall be prosecuted in accordance with law. Free market price.

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printing sheet 5,0.

Circulation 3000 copies.

ISSN 2072-3636.

Passed for printing 13.08.2021.

Publication 26.08.2021.

Contents

ARRANGEMENT OF JUDICIAL ACTIVITIES

- Mikhaylova A.D. Peculiarities of Activities of a Press Secretary of a Court in the Hinterlands3
Marochkina V.V. Validation as a Guarantee of Quality of a Forensic Handwriting Examination6

JUDICIAL PROCEEDINGS

- Derbisheva O.A., Kudryavtseva I.V. Mediation in Civil Jurisdiction in the Russian Federation 10
Chekmareva A.V. Some Issues of Digitization of Civil Proceedings in the Information Society Establishment Conditions 15

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Smagina E.S., Chupilin D.A. Problems of Ensuring Adversariality in Administrative Cases on Forced Hospitalization of a Citizen in a Medical Institution Providing Inpatient Psychiatric Treatment (part 1) 20

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Komolov A.L. Finis Sanctificat Media or Return of Property from a Good Faith Acquirer 26
Mikhaylova E.V. On Criteria for Demarcation of Administrative and Civil Proceedings: Issues of Theory and Practice 30
Shumov P.V., Petrova E.S. Challenging Aspects of the Calculation of the Amount of Judicial Penalty (Astreinte) in the Law Enforcement Practice 36

HISTORICAL ROOTS

- Stepanov M.M. Judicial Overcoming of Legal Gaps from the Perspective of Historical Experience 40

DISCUSSION

- Ilyukhov A.A. Reformation of the Jury Trial in Russia within the Framework of Broadening of Its Jurisdiction, Personnel Change, and Enforcement of the Rights of Citizens to Take Part in the Exercising of Justice: Issues of Theory and Practice 45
Titov P.M. Private Prosecution: The Need to Liquidate or Improve? 49

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

- Nesterov V.M. Grounds for Termination of Proceedings based on Appeals against Rulings (Judgments) of First Instance Courts in Administrative Offense Cases by a Second Instance Court 53

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel. (4842) 70-03-37

Особенности работы пресс-секретаря суда в провинции

Михайлова Анна Дмитриевна,
пресс-секретарь Арбитражного суда Вологодской области
a13.amihaylova@ARBITR.RU

К проблеме существования различий в работе со СМИ пресс-служб судов столичных регионов и провинции автор пришел на основе собственного опыта и в результате общения с коллегами по цеху в рамках учебных мероприятий, совещаний, проводимых Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

При этом в данном материале автор использует определение провинции из словаря Ушакова: «Местность, находящаяся вдали от столицы, крупных культурных центров, вообще — территория страны в отличие от столиц». То есть рассматривает специфику работы пресс-секретаря суда и возникающие при этом вопросы вне столичных регионов.

Ключевые слова: суд, судебная система, арбитражный суд, пресс-секретарь, столица, провинция.

Peculiarities of Activities of a Press Secretary of a Court in the Hinterlands

Mikhaylova Anna D.
Press Secretary of a Commercial Court of the Vologda Region

To the existence of the problem of differences in the work between media relations of the press services of the courts in the capital area and the province the author checked by own experience and as a result of communication with colleagues within the frame of teaching events, conferences held by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.

However, in this material, the author uses the definition of a province from Ushakov's dictionary: «The area, located far from the capital, major cultural centers — the territory of the country, opposed to the capitals». In other words, considering the specifics of the work of the court press secretary and emerging issues outside the capital regions.

Keywords: court, judicial system, arbitration court, press secretary, capital, province.

Сегодня все реже можно услышать до-
сужее мнение о закрытости судебной си-
стемы и невозможности получить в судах
информацию. Требования к обязанностям
судов создавать необходимые условия для
доступа общественности к информации о
своей деятельности, как неотъемлемой ча-
сти открытости и гласности судопроизвод-
ства, установлены нормативно-правовыми
актами разных уровней: Конституцией
Российской Федерации; федеральными
законами; процессуальными кодексами в
части, касающейся вопросов информаци-
онных прав, гласности; ведомственными
нормативными правовыми актами, регла-
ментирующими создание и сопровождение
официальных интернет-сайтов судов; по-
становлениями Пленума Верховного Суда

Российской Федерации по вопросам от-
крытости и гласности судопроизводства и
доступа информации о деятельности судов.

На примере Объединенной пресс-
службы судов Вологодской области можно
говорить о полной готовности судебной
системы к сотрудничеству, открытости для
обсуждения любых тем. Через социальные
сети (ВКонтакте, Телеграмм-канал), сайты
судов общественность информируется по
всем резонансным делам (уголовным, ад-
министративным, гражданским, арбитраж-
ным) и не только: зачастую темами пресс-
релизов становятся обычные «житейские»
ситуации, бытовые конфликты, типовые
споры. По сути, судебная система сама
комментирует судебные акты, разъясняя,
почему принято то или иное решение.

Несмотря на то, что у пресс-служб судов на территории нашей страны задача одинаковая — создание положительного образа судебной системы, корректное информирование читателей новостных порталов и посетителей сайтов судов, непрерывное посредничество между руководством суда, судьями и представителями СМИ — основной отличительной чертой взаимодействия с журналистами, которая влияет на выбор форм и методов работы большинства пресс-секретарей, является необходимость привлечения внимания журналистов к судебной деятельности в условиях, когда с их стороны такая заинтересованность отсутствует. В столичных регионах взаимодействие выстраивается в условиях повышенного интереса СМИ к суду и судебным процессам.

Данное обстоятельство, на субъективный взгляд автора, обусловлено очевидными различиями жизни столицы и провинции и, как любое явление, имеет свои плюсы и минусы, понимание которых влияет на эффективность деятельности пресс-службы суда и приводит к выработке неодинаковых подходов во взаимодействии со средствами массовой информации. С одной стороны, меньший интерес СМИ к судам влечет и меньшее число публикаций, суд остается в стороне от каких-либо конфликтных ситуаций в обществе. Однако подобный эффект вряд ли можно назвать положительным для судебной системы. Напротив, отсутствие объективных сведений о суде и о судебных процессах в современном информационном пространстве способствует распространению домыслов, а то и откровенно ложной информации.

Соответственно, основные усилия пресс-секретаря направляются на подготовку материалов, которые помогают жителям региона решать «наболевшие» проблемы, вызывают отклик в местных СМИ. Например, по тематике арбитражных судов читателя интересуют вопросы распоряжения земель, объектами недвижимости, охраны объектов культурного наследия, жилищно-коммунальной сферы, экологической безопасности, банкротства.

Но изучение целевой аудитории не ограничивается только «конечным потребителем» информации. Для пресс-секретаря в целях выстраивания эффективного сотрудничества важно знать и понимать журналиста,

который зачастую выступает посредником в диалоге между судом и общественностью.

Сегодня в Вологодской области наблюдается недостаток квалифицированных журналистов, готовых работать с судебной тематикой, в особенности по делам экономической направленности. Когда автор заканчивал отделение журналистики в 2012 году, на выпуске было 23 человека, и только один из выпускников писал на судебно-правовую тематику. Вологодским университетом на запрос Совета судей Вологодской области статистика по количеству выпускников журфака с 2015 года не предоставлена. Но даже примерные расчеты показывают, что из 207¹ дипломированных журналистов, выпущенных в период с 2012 по 2020 год, 90% не заинтересованы взаимодействовать с судебной системой.

На данное обстоятельство влияет слабая подготовленность журналистов к работе в судебных учреждениях, незнание основных прав представителя СМИ. Например, однажды от журналиста поступил вопрос, можно ли снимать видео в коридоре суда. Автору пришлось напомнить представителю СМИ его права и то, что процессуальное законодательство не предусматривает такого запрета (ст. 10 ГПК, ст. 241 УПК, ст. 11 АПК), а также обратить внимание на размещение соответствующих разъяснений на сайте суда.

С другой стороны, формулируя запросы относительно судебной практики Арбитражного суда Вологодской области, нередко СМИ не понимают объемов работы суда. Во время годовой конференции, посвященной деятельности судов Вологодской области, один из журналистов высказал пожелание еженедельно получать списки всех дел с небольшим анонсом, рассматриваемых судом на предстоящей неделе. Однако журналист вряд ли знал, что за неделю в суде назначается колоссальное количество дел. Например, за пять дней, с 19 по 23 апреля, в арбитражном суде назначено 1015 дел, по каждому из которых

¹ Число выпускников за период с 2012 по 2020 г. автор определил из расчета: 23 человека на выпуске x 9 лет = 207. Областной конкурс «Судебный репортер» выявляет только 19 журналистов, пишущих на судебную тематику (в основном о работе районных и городских СОЮ) + 2 журналиста на всю область, которые не заявляются на конкурс, но активно интересуются коммерческими спорами, то есть всего 21 человек.

физически невозможно составить краткий обзор.

Еще одной проблемой, влияющей на установление контакта со СМИ, является сложность в понимании юридических текстов. По статистическим данным Арбитражного суда Вологодской области, с 2015 года в суд ежегодно поступает около 20 запросов. Как правило, журналистские запросы требуют от пресс-секретаря разобраться в фабуле дела и доступно изложить решение суда. Подготовленные судом пресс-релизы практически без изменений публикуются в СМИ.

Подводя итог исследования, можно резюмировать, что причинами малой заинтересованности в изучении судебных дел, и особенно арбитражных, могут быть как специфика юридических текстов, особенности экономических споров в арбитражных судах, не всегда понятные широкой аудитории и требующие усилий от журналиста для их «перевода» в публицистический текст, так и отсутствие общего представления об устройстве судебных учреждений, о судебном процессе, незнание прав СМИ.

Истоки комплекса этих проблем автор видит в том, что профильным специалистам-журналистам еще на стадии обучения дается недостаточно информации о методиках взаимодействия СМИ с судебной властью вообще и в конкретном регионе в частности.

В качестве меры по устранению выше-названных пробелов автор предлагает сле-

дующее. Необходимо дополнить учебный процесс студентов факультетов и отделений журналистики прохождением практики в судах области либо проведением в течение учебного года практических занятий на базе судов (организация встреч с судьями и работниками аппарата судов, проведением экскурсий по суду). Для студентов-журналистов, обучающихся в учебных заведениях Вологодской области, имеется возможность принимать участие в конкурсе «Судебный репортер», ежегодно проводимом Советом судей Вологодской области, участвовать в постановочных судебных процессах, проводимых в рамках региональной программы правового просвещения молодежи. Если увеличить вовлеченность студентов журфака в судебный процесс еще на стадии их обучения, то в ближайшей перспективе мы сможем получить больше лояльных и активных журналистов, работающих на положительный образ судов.

Предложенные меры в полной мере соответствуют Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы, принятой постановлением Совета судей Российской Федерации от 5 декабря 2019 года № 491, предусматривающей повышение уровня знаний о правосудии (внешний образовательный компонент), в том числе за счет проведения работы со студентами отделений журналистики.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Валидация как гарантия качества судебно-почерковедческой экспертизы

Марочкина Валерия Валерьевна,

эксперт-криминалист автономной некоммерческой организации «ПетроЭксперт»,
аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной деятельности,
оперативно-розыскной деятельности

Российского государственного университета правосудия
valeriya-marochkina@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся судебно-почерковедческой экспертизы. Обозначен ряд проблем научно-методического и процессуального характера, среди которых изменение условий применения методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, отсутствие унифицированной методической базы, полиморфизм мнений специалистов по вопросам, требующим однозначной трактовки в области почерковедения, и др. Обозначенные вопросы приводят к проблемам реального, практического характера: увеличению сроков предварительного следствия, судебного производства, а в некоторых случаях даже к экспертным ошибкам. Для разрешения обозначенных проблем, предлагается валидация методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, что позволит не только достичь упорядоченности в сфере судебного почерковедения, но и приблизится к международным стандартам разработанным ИСО (ISO) Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization).

Ключевые слова: валидация, стандартизация, квалификация, судебно-почерковедческая экспертиза, судебно-экспертная деятельность.

Validation as a Guarantee of Quality of a Forensic Handwriting Examination

Marochkina Valeria V.

Forensic Expert at PetroExpert Autonomous Non-Profit Organization
Postgraduate Student of the Department of Criminalistics, Forensic Examination,
Criminal Intelligence and Surveillance of the Russian State University of Justice

The article discusses topical issues related to forensic handwriting examination. A number of problems of a scientific, methodological and procedural nature are identified, including a change in the conditions for the application of methodological support for forensic handwriting examination, the lack of a unified methodological base, polymorphism of opinions of specialists on issues requiring an unambiguous interpretation in the field of handwriting studies etc. These issues lead to real, practical problems: an increase in the time frame for preliminary investigation, court proceedings, and in some cases even expert errors. To resolve the identified problems it is proposed to validate the methodological support of forensic handwriting examination which will not only achieve orderliness in the field of forensic handwriting studies, but also approach the international standards developed by ISO (ISO) by the International Organization for Standardization.

Keywords: validation, standardization, qualification, forensic handwriting examination, forensic expert activity.

Традиционно судебно-почерковедческая экспертиза является одним из самых востребованных видов экспертного исследования. Являясь высокоорганизованным разделом криминалистической техники и теории судебной экспертизы (по Т.В. Аверьяновой), судебной экспертологии (по Е.Р. Россинской), почерковедческая экспертиза представляет собой целостную научно-организованную совокупность знаний о закономерностях почерковых реализаций и процессах их изучения с целью

решения разнообразных вопросов идентификационного и диагностического характера. Представляя собой вид криминалистического исследования, почерковедение не может существовать само по себе, следуя лишь своим научным интересам. Как известно, судебная экспертиза в отличие от всех остальных видов экспертиз обладает своей спецификой, которая заключается в инициаторе исследования. Субъект правоприменительной деятельности назначает судебно-почерковедческую экспертизу в

целях установления фактов, имеющих правовое значение для следствия, судебного слушания, путем исследования почерковых объектов. Таким образом, судебная почерковедческая экспертиза проявляет свой прикладной характер и выполняет основную цель: помощь следствию, суду в решении процессуальных задач.

Не обладая особым статусом, нередко именно судебно-почерковедческая экспертиза выступает в ряду ключевых доказательств по делу. Поэтому серьезное внимание уделяется качеству экспертного заключения и его состоятельности с точки зрения строгой научной обоснованности, всесторонности, достоверности и объективности.

В этой связи следует обратить внимание на актуальные проблемы в почерковедческой экспертизе, касающиеся как общих вопросов правового регулирования судебно-экспертной деятельности, так и вопросов стандартизации, сертификации, квалификации и валидации методического обеспечения.

Судебная экспертиза, объектом изучения которой является почерк, начинает свою российскую историю примерно в XV–XVI веках, именно на этот период приходится запись в судебных архивах о ситуациях, когда при рассмотрении наследственных споров изучались документы с графическими записями¹. По мере социального развития общества необходимость в экспертизе почерка становилась все более актуальной. В конце XIX — начале XX века произошло обобщение и систематизация накопленных знаний. Одним из первых российских криминалистов, разработавших научные методы и средства исследования почерка, был Е.Ф. Буринский, автор термина «судебное почерковедение». Базируясь на его исследованиях, а также исследованиях иностранных криминалистов — Альберт Шерман Осборн (1910 г.)², а также ряда других авторов, институт отечественной судебной почерковедческой экспертизы развивался в русле определения закономерностей письма, разработки и совершенствования методики судебной почерковедческой экспертизы.

Данный экскурс демонстрирует историческую фундаментальность почерковедения. Однако за определенный период существенно изменились исходные условия применения методики: всеобщая цифровизация, безу-

словно, повлияла на качество и количество рукописных коммуникаций. Почерк большого объема сменился лапидарными записями с маловыработанным навыком письма, современные подписи характеризуются крайне малой графической информацией. Получили распространение билингвы, полилингвы, рукописи которых представляют сложность с точки зрения применения методик, разработанных на основе норм прописей русского алфавита. И, конечно, не стоит забывать о возросших технологических возможностях фальсификации документов. Все чаще исследуемыми объектами являются копии рукописей.

Кроме внутренних проблем методического характера, стоит отметить дифференциацию организационно-правовой формы в судебно-почерковедческих лабораториях. Традиционно экспертов-криминалистов готовили ведомственные вузы или подразделения судебно-экспертных государственных учреждений. За последнее десятилетие сформировался новый класс специалистов, имеющих образование по специальности «Судебная экспертиза», которые востребованы в негосударственных экспертных организациях с учетом увеличившегося количества назначаемых экспертиз, особенно по гражданским, арбитражным, административным делам.

Различные подходы к методологии судебно-почерковедческой экспертизы, процессам обучения и получения допуска для производства данной экспертизы создали ряд проблем: отсутствие единой терминологической базы судебного почерковедения, различный подход к применению идентификационных, диагностических методик, различия в методах оценки априорной информативности кратких и конструктивно простых объектов, отсутствие единых норм оценки качества и количества представленного сравнительного материала, а также многих других специальных вопросов, не имеющих в настоящее время однозначной трактовки.

Перечисленные проблемы имеют непосредственное влияние на качество экспертного заключения, процессуальные сроки, результаты предварительного следствия, выносимые судебные решения.

Нашей задачей является повышение эффективности, состоятельности, надежности заключения эксперта-почерковеда для его полной, объективной, всесторонней оценки. Общеизвестно, что правоприменитель, не обладая специальными познаниями в области почерковедения, нередко испытывает затруд-

¹ Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Л., 1989.

² Оттоленги С. Экспертиза почерка и графическая идентификация. М., 1926.

нения в анализе и оценке заключения эксперта. А что делать суду, следователю, когда в материалах дела два или три заключения эксперта, выводы которых противоположны друг другу? Что анализировать: исследовательскую часть, личность эксперта, его принадлежность к какому-либо ведомству или негосударственному экспертному учреждению, регалии, научные звания и т.д.? Данный вопрос остается открытым и вызывает немало затруднений при оценке доказательств.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ в пункте 19 Постановления Пленума № 28 от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», «...для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта, по ходатайству стороны или по его инициативе, может привлекаться специалист, который свои разъяснения дает в форме устных показаний или письменного заключения...».

В практической деятельности чаще всего специалист оформляет письменный документ, который носит название «Заключение специалиста», которое по форме и по сути является рецензией на заключение судебной экспертизы. Общеизвестно, что рецензия на заключение эксперта — непроцессуальная форма доказательства, однако под названием «Заключение специалиста» этот документ получил широкое распространение в правоприменительной деятельности.

Стоит обратить внимание, что при отсутствии единых инструментов, регулирующих методическое обеспечение на организационно-правовом и научно-методическом уровнях, мнение отдельного лица, обладающего специальными познаниями и содержащее критику методических основ экспертного заключения, не всегда может быть объективным. Даже у экспертов МВД РФ и экспертов Минюста России разный подход к производству судебно-почерковедческой экспертизы, не говоря уже о негосударственных экспертах, подготовленных зачастую даже непрофильными вузами. Не имея возможности достоверно оценить вывод, полученный в ходе проведения экспертизы, специалист анализирует текстовую (исследовательскую) часть заключения, где благодаря отсутствию стандартов, утвержденных паспортов методического обеспечения, каких-либо сведений о валидации методик имеет широкое поле для деструктивной критики. Целью рецензии на заключение эксперта является инспирация повторной экспертизы, которая, как правило, назначается судом, чтобы соблюсти равные права всех участников процесса. Несмотря на то что процессуальные послед-

ствия от представленной рецензии достаточно серьезные, лицо, составляющее такой документ, не несет какой-либо ответственности за содержание рецензии. Очевидно, что положение специалиста в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах требует дополнений с точки зрения расширения его обязанностей и возложения ответственности за осуществляемую деятельность.

В практической деятельности автора, являющегося экспертом-криминалистом более 15 лет, достаточно часто встречаются ситуации, когда основанием для назначения повторной экспертизы становится рецензия на заключение эксперта, однако после проведения повторной экспертизы выводы первоначального судебного исследования подтверждаются, что указывает на несостоятельность заключения специалиста. Такой цикл многократно увеличивает сроки производства по делу, нарушая права всех его участников.

Судебно-экспертное сообщество уже не первый год ведет работу по вопросам приведения в порядок методических основ судебной экспертизы. Как отмечает С.А. Смирнова, «методики должны быть валидированы, т.е. оценена их пригодность для использования в экспертной практике»³.

Валидация в переводе с латинского — сильный, законный, действительный⁴. Особенно актуальным является вопрос валидации для методического арсенала судебной почерковедческой экспертизы. На фоне вышеперечисленных проблем не стоит забывать, что данный вид экспертизы относится к разряду субъективных, где проверка должна включать в себя не только стандартные критерии валидации, но и систему менеджмента качества в экспертных лабораториях.

Валидация методик судебно-почерковедческой экспертизы — процедура по определению и презентации выполнения требований, предъявляемых к проверяемой методике с целью гарантии постоянного обеспечения достоверных, научно обоснованных, воспроизводимых результатов. Ход и итоги данного процесса представляют собой валидационную

³ Все эксперты должны работать по единым правилам : интервью со Светланой Смирновой от 29 октября 2019 г. // Информационно-правовой портал «Закон.ру». URL: https://zakon.ru/discussion/2019/10/29/vse_eksperty_dolzny_rabotat_po_edinym_pravilam_intervyu_so_svetlanoy_smirnovoj#_ftn2 (дата обращения 19.05.2021).

⁴ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / составитель: А.Н. Чудинов. СПб., 1910. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-194-1.htm#zag-5399>

документацию: протоколы, акты, отчеты, на основании которых целесообразно проведение работы по стандартизации научно-состоятельного методического фонда судебно-почерковедческой экспертизы. Валидация позволит стандартизировать только работоспособные, эффективные методики, параллельно проработать вопрос по смещению акцента с качественно-описательных методов к количественным показателям. А также уделить должное внимание оценке и толкованию выводов, которые носят вероятный характер и не имеют критериев определения степени достоверности, также параллельно решить ряд научно-методических проблем, которые вызывают непрекращающиеся дискуссии в судебно-экспертном сообществе, как, например, исследование изображений почерковых реализаций, полученных электрофотографическим способом. М.В. Бобовкин отмечает, что «объективная ситуация в сфере методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей имеет неоднозначный характер и требует всестороннего изучения на основе валидации — оценки пригодности методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы»⁵. Положительный валидационный статус примененной методики будет обозначать знак качества экспертизы.

По результатам валидации предлагается существенно расширить научно-методические данные, которые содержатся в «Каталоге регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств»

в разделе «Почерковедческая экспертиза», выпущенный под эгидой Федерального координационно-методического совета по проблемам экспертных исследований. Необходимо не только обозначить общие сведения, но и определить терминологию, указать условия применения методики: обязательные стадии исследования, характеристику потенциальных объектов исследования, качественно-количественные показатели сравнительного материала, критерии оценки выявленных признаков. Каталог должен быть утвержден Федеральным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований и носить общеобязательный характер для судебно-экспертных лабораторий вне зависимости от организационно-правовой формы собственности.

Паспортизированные, валидированные методики будут служить не только унифицированной базой для экспертов, но и практически пособием для следователей, судей, помогая превратить процесс оценки заключения эксперта-почерковеда из формальной процедуры в объективный, полный, всесторонний анализ.

Подводя итог, стоит выразить надежду на скорейшее разрешение вопроса, касающегося законодательного закрепления процессов валидации, стандартизации методического обеспечения в сфере судебно-экспертной деятельности на территории Российской Федерации. На практике это позволит повысить качество экспертного исследования, привести методическое обеспечение к единому стандарту, минимизировать привлечение специалистов, что поможет сократить сроки судопроизводства и получить уверенность в том, что заключение судебно-почерковедческой экспертизы отвечает всем правовым критериям, предъявляем к доказательству.

⁵ Бобовкин М.В., Ручкин В.А. О валидации и сертификации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям документов. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019.

Литература

1. Бобовкин М.В. О валидации и сертификации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей / М.В. Бобовкин, В.А. Ручкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3 (25). С. 115–118.
2. Крылов И.Ф. В мире криминалистики / И.Ф. Крылов. 2-е изд., перераб. и доп. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 327 с.
3. Оттоленги С. Экспертиза почерка и графическая идентификация / С. Оттоленги; перевод с итальянского С.О. Пюлинг; под редакцией и с предисловием О.В. Васильченко. Москва: Изд-во Народного Комиссариата внутренних дел при Заготхозе милиции Республики, 1926. 64 с.
4. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / А.Н. Чудинов. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во В.И. Губинского, 1910. 676 с.

Медиация в сфере гражданской юрисдикции Российской Федерации

Дербишева Ольга Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Донецкой академии внутренних дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Кудрявцева Ирина Витальевна,
техник-технолог Государственного предприятия «Донецкая железная дорога»
irene-kiv@mail.ru

В статье исследуется сложность процедуры медиации на современном этапе ее развития, описываются основные категории споров, возникающих из гражданских правоотношений, к которым может быть применена примирительная процедура. Проведен анализ сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за период с 2014 года по 1 полугодие 2020 года с распределением оконченных, прекращенных и урегулированных путем проведения процедуры медиации по категориям гражданских дел, возникающих из семейных, трудовых, жилищных правоотношений, связанных с правом собственности на землю и землепользование и прочих дел искового производства за период с 2017 по 2019 годы. Кроме того, указана одна из основных причин недостаточной распространенности процедуры медиации и приведены возможные пути ее решения.

Ключевые слова: медиация, медиатор, гражданское судопроизводство, конфликт, спор, стороны, мировое соглашение.

Mediation in Civil Jurisdiction in the Russian Federation

Derbisheva Olga A.
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
of the Donetsk Academy of Internal Affairs of Ministry of Internal Affairs
of Donetsk People's Republic

Kudryavtseva Irina V.
Process Technician at Donetsk Railroad State Enterprise

The article explores the complexity of the mediation procedure at the current stage of its development, describes the main categories of disputes arising from civil legal relations, to which a conciliation procedure can be applied. An analysis of the consolidated statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for the period from 2014 to the 1st half of 2020 with the distribution of completed, Dismissed and settled through the mediation of categories of civil cases, arising from family, labor, housing legal relations related to ownership of land and land use and other cases of lawsuit proceedings for the period from 2017 to 2019. In addition, one of the main reasons for the lack of sufficient prevalence of the mediation procedure is indicated and possible ways to solve it are given.

Keywords: mediation, mediator, civil proceedings, conflict, dispute, parties, settlement agreement.

В настоящее время в гражданских правоотношениях все чаще прогрессируют способы разрешения конфликтов, к которым следует отнести процедуру медиации.

Для их разрешения конфликтующие стороны прибегают как к переговорам между собой, так и к медиации, которую можно назвать особым видом переговоров с участием «нейтрального» лица. С течением времени происходит трансформация принципов и способов медиации, но неизменной остается ее цель — примирение сторон с участием независимого посредника.

Современные юристы все чаще прибегают к процедуре медиации для разрешения конф-

ликта, однако на данном этапе сложность процедуры медиации заключается не только в порядке ее проведения, но и в том, чтобы убедить все стороны спора прибегнуть к такой процедуре урегулирования конфликта. Это связано прежде всего с тем, что медиация, как альтернативный способ разрешения спора, еще недостаточно распространена в Российской Федерации¹.

По мнению И.В. Пановой, медиация — это процедура примирения конфликтующих сто-

¹ Юсупова А.Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 642–649.

рон путем их вступления в добровольные переговоры с помощью третьей стороны — посредника (медиатора), оказывающего содействие для урегулирования спора². Посредничество является одним из методов альтернативного разрешения споров, доступным для сторон.

Как считают Р.Р. Салимзянова, Л.Л. Сабирова, медиация — один из альтернативных способов разрешения конфликтов. Альтернативное разрешение споров — это процесс, направленный на урегулирование разногласий конфликтующих сторон, основанный на добровольности, равноправии, проходящий вне государственной судебной системы³.

Изучение особенностей современного состояния и проблем процедуры медиации нашло отражение в трудах таких ученых-процессуалистов, как И.В. Панова, Р.Р. Салимзянова, Л.Л. Сабирова, Н.В. Куркина, Г.В. Ореханова, Н.Н. Ткачева, В.С. Егорова, Е.В. Буянова, А.Ф. Юсупова, М.С. Нахов и др.

Федеральный закон Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) дает такое определение: «Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения». Она проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора⁴.

После вступления в силу Закона о медиации в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) были внесены следующие изменения⁵: приостанавливается течение срока исковой давности для судебной защиты прав, если стороны отношений заключили соглашение о проведении процедуры медиации; если стороны обратились к процедуре медиации, то предусмотрена возможность отложения судебного разбирательства дела в суде; медиаторы не могут быть допрошены в качестве свидетелей,

об обстоятельствах, которые стали им известны при исполнении обязанностей медиатора.

Стороны могут обратиться за помощью к медиатору как во время судопроизводства, так и до суда, но при этом у них остается право обратиться в суд. В процессе проведения процедуры медиации медиатором создаются необходимые условия, при которых между сторонами могут развиваться взаимопонимание, доверительные отношения и в которых они смогут совместно работать над разработкой итогового решения и не прерывать отношений в дальнейшем⁶.

Медиативное соглашение, заключенное по результатам примирительной процедуры, может утверждаться судом в качестве мирового соглашения.

Результатом разрешения спора может быть: заключение сторонами мирового соглашения; признание иска ответчиком; отказ истца от иска; уменьшение размера исковых требований.

Однако наиболее распространенной правовой формой закрепления договоренностей сторон являются мировые соглашения, утверждаемые судом⁷.

Услуги медиатора оплачиваются по соглашению сторон, но также предусмотрена возможность осуществления процедуры медиации без оплаты. Стороны самостоятельно оплачивают услуги медиатора. При этом данная сумма не может быть отнесена к судебным издержкам и возложена на проигравшую сторону⁸.

В работах Е.В. Буяновой⁹ и А.Ф. Юсуповой¹⁰ авторы приводят основные различия между процедурой медиации и судебным разбирательством:

1) медиация подразумевает добровольность, а сама процедура медиации начинается только при наличии согласия обеих сторон, в отличие от судебного разбирательства, когда согласие второй стороны не требуется;

⁶ Куркина Н.В. Проблемы интеграции медиации в деятельность органов гражданской юрисдикции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 65–73.

⁷ Ореханова Г.В. Использование процедуры медиации в гражданском процессе // Психология. Экономика. Право. 2014. № 2. С. 90–97.

⁸ Ткачёва Н.Н., Егорова В.С. Институт медиации как одна из примирительных процедур в гражданском судопроизводстве // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 121–124.

⁹ Буянова Е.В. Медиация в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 40. С. 49–56.

¹⁰ Юсупова А.Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 642–649.

² Панова И.В. Медиация: проблемы и пути их решения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 10. С. 73–83.

³ Салимзянова Р.Р., Сабирова Л.Л. Понятие и сущность медиации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 217–220.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «Консультант-Плюс».

2) медиатор выбирается сторонами спора, а кандидатура судьи назначается и заранее не известна обеим сторонам;

3) стороны могут самостоятельно выбрать место, время и порядок проведения медиации, а в судебном порядке стороны не наделены такими полномочиями;

4) медиатор не имеет властных полномочий, а лишь способствует выработке решения, а суд наделен властными полномочиями;

5) процедура медиации представляет собой ускоренную и неформальную процедуру, тогда как судебное разбирательство — это длительная и формализованная процедура, которая предопределена универсальной и императивной гражданской процессуальной формой;

6) процедура медиации предусматривает конфиденциальность, в отличие от гласности гражданского судопроизводства;

7) при проведении медиации подразумевается сотрудничество сторон, а при судебном разбирательстве — состязательность сторон.

По мнению А.Ф. Юсуповой¹¹, к преимуществам процедуры медиации относятся:

1) процедура медиации позволяет разрешить спор мирным путем. Значительно снижается риск принятия неблагоприятного решения для одной из сторон, что не редкость в судебном разбирательстве. Соглашения, достигнутые при помощи медиатора, не являются навязанными, и поэтому исполняются чаще, чем решения суда;

2) при проведении процедуры медиации абсолютно отсутствует коррупционный фактор, поскольку здесь нет необходимости кого-либо склонять на свою сторону. Согласие не будет достигнуто до тех пор, пока исход дела не удовлетворит интересы обеих сторон. Процедура медиации не ставит цель определить правую и виновную сторону, так как главное ее предназначение состоит в нахождении взаимовыгодных вариантов урегулирования конфликта;

3) медиация отвечает не только потребностям правовой системы в содействии сокращению количества судебных дел, но и потребностям участников в уменьшении размеров судебных издержек, а также позволяет сторонам самостоятельно контролировать исход спора.

Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год¹² судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 13872685 гражданских дел,

из них по различным причинам прекращено 803358 гражданских дел, что составляет 5,79%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1334 дела, что составляет 0,17% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных в отношении 2112 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 142518 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 1106 делах, что составляет 0,78%.

В 2015 году¹³ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 15819942 гражданских дела, из них по различным причинам прекращено 772985 гражданских дел, что составляет 4,89%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1115 дел, что составляет 0,14% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных в отношении 1796 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 121750 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 916 делах, что составляет 0,75%.

В 2016 году¹⁴ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 12885619 гражданских дел, из них по различным причинам прекращено 582252 гражданских дела, что составляет 4,52%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1292 дела, что составляет 0,22% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных в отношении 2035 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 103573 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 1223 делах, что составляет 1,18%.

В 2017 году¹⁵ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административ-

¹¹ Юсупова А.Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе. С. 642–649.

¹² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских дел по первой инстанции» // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f_N_2_2014.xls (дата обращения: 23.03.2021).

¹³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции». URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/F3-gr_pr-vo_1_inst-2015.xls (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F2-svod-2016.xls (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских,

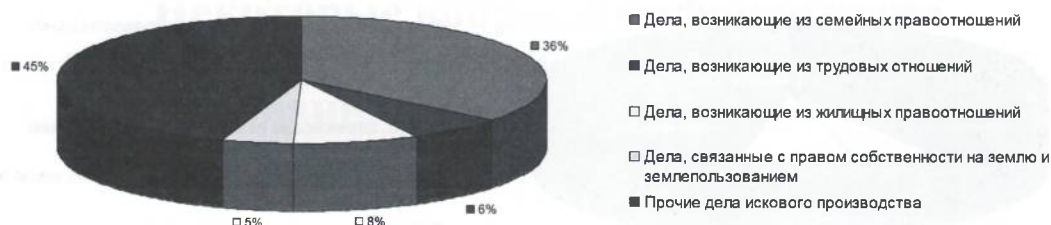

Рисунок 1. Распределение споров, урегулированных путем проведения процедуры медиации по категории дел в 2017 году

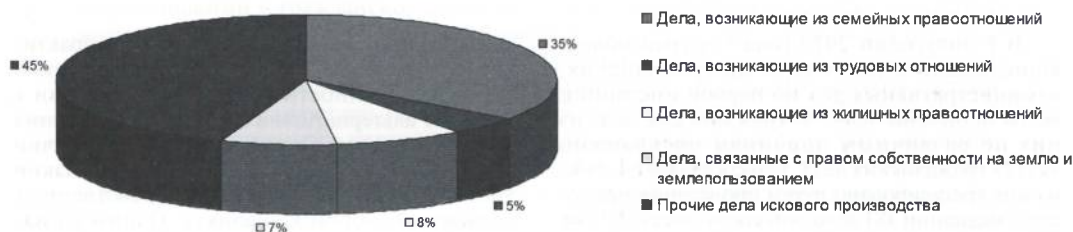

Рисунок 2. Распределение споров, урегулированных путем проведения процедуры медиации по категории дел в 2018 году

ных дел по первой инстанции всего окончено 14510644 гражданских дела, из них по различным причинам прекращено 419868 гражданских дел, что составляет 2,89%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1407 дел (распределение гражданских дел по категориям приведено на рисунке 1), что составляет 0,34% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных в отношении 1314 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 94249 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 1385 делах, что составляет 1,47%.

В 2018 году¹⁶ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 17238555 гражданских дел, из них по различным причинам прекращено 389334 гражданских дела, что составляет 2,26%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1187 дел (распределение гражданских дел по

категориям приведено на рисунке 2), что составляет 0,30% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных в отношении 1278 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 84043 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 1115 делах, что составляет 1,33%.

В 2019 году¹⁷ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 19581647 гражданских дел, из них по различным причинам прекращено 378501 гражданское дело, что составляет 1,93%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 1041 дело (распределение гражданских дел по категориям приведено на рисунке 3), что составляет 0,27% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа оконченных, в отношении 1116 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 81373 делах, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 1008 делах, что составляет 1,24%.

административных дел по первой инстанции». URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F3-svod-2017.xls (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁶ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции». URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F3-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁷ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции». URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/F3-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 23.03.2021).

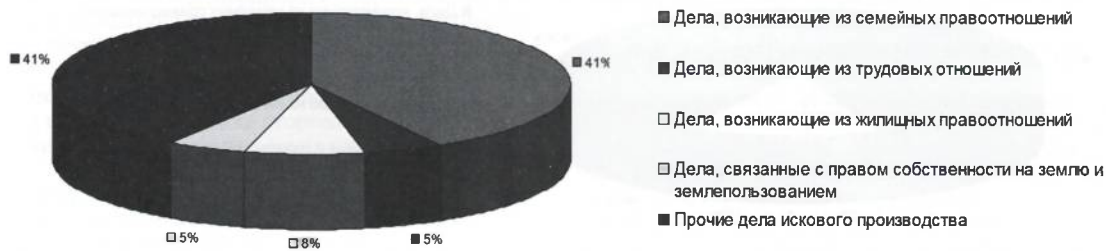

Рисунок 3. Распределение споров, урегулированных путем проведения процедуры медиации по категории дел в 2019 году

В 1 полугодии 2020 года¹⁸ судами общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции всего окончено 9040230 гражданских дел, из них по различным причинам прекращено 121122 гражданских дела, что составляет 1,34%, из них урегулировано путем проведения процедуры медиации 381 дело, что составляет 0,31% от общего числа прекращенных гражданских дел. Из числа окончанных в отношении 782 дел проводилась процедура медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Стороны заключили мировое соглашение в 25691 деле, из которых медиативное соглашение, утвержденное судом, заключено в 322 делах, что составляет 1,25%.

Анализ статистических данных показывает, что в процентном соотношении число прекращенных по процедуре медиации и гражданских дел и количество утвержденных судом

медиативных соглашений из года в год практически не меняется, что говорит о недостаточной распространенности процедуры медиации в качестве альтернативного способа разрешения гражданских дел. Одной из основных причин этого современные ученые называют низкий уровень правовой культуры и нравственных убеждений сторон конфликта. Одним из направлений разрешения данной проблемы видится повышение правовой культуры населения, проведение разъяснительной работы о преимуществах процедуры медиации со сторонами конфликта на этапе начала процесса, законодательное урегулирование возможности проведения процедуры медиации дистанционно с использованием онлайн-технологий, что актуально в наше время.

Применение процедуры медиации в гражданском судопроизводстве позволит: ускорить и повысить эффективность разрешения гражданско-правовых споров по сравнению с разрешением их в судебном порядке; уменьшить количество рассматриваемых гражданских дел за счет их альтернативного разрешения; упростить процедуру самого разбирательства и ускорить срок прохождения дела в суде первой инстанции; уменьшить финансовые расходы сторон за счет сокращения судебных издержек.

¹⁸ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 год. № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/F3-svod-vse-sudy-1-2020.xls (дата обращения: 23.03.2021).

Литература

1. Буянова Е.В. Медиация в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики / Е.В. Буянова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 40. С. 49–56.
2. Куркина Н.В. Проблемы интеграции медиации в деятельность органов гражданской юрисдикции / Н.В. Куркина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3. С. 65–73.
3. Ореханова Г.В. Использование процедуры медиации в гражданском процессе / Г.В. Ореханова // Психология. Экономика. Право. 2014. № 2. С. 90–97.
4. Панова И.В. Медиация: проблемы и пути их решения / И.В. Панова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 10. С. 73–83.
5. Салимзянова Р.Р. Понятие и сущность медиации / Р.Р. Салимзянова, Л.Л. Сабирова // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 217–220.
6. Ткачёва Н.Н. Институт медиации как одна из примирительных процедур в гражданском судопроизводстве / Н.Н. Ткачёва, В.С. Егорова // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : материалы XIII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 25 октября 2018 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2018. С. 121–124.
7. Юсупова А.Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе / А.Ф. Юсупова // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 642–649.

Некоторые вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в условиях формирования информационного общества

Чекмарева Анастасия Валериевна,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, доцент
Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий в гражданское судопроизводство. Выявлена корреляция «электронного государства» и «электронного правосудия», а также трансформация функций государства в условиях формирования информационного общества. Автор отмечает неготовность цивилистического процессуального законодательства к новым реалиям, обусловленным пандемией «Covid-19» и необходимость его дальнейшего совершенствования. Основными направлениями модернизации процессуального законодательства должны стать: разработка специального порядка процессуальных действий в условиях карантинных или иных ограничительных мер; внедрение цифровых технологий, упрощающих и ускоряющих судопроизводство; повышение уровня материально-технического оснащения судов; обеспечение информационной безопасности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, информатизация, цифровизация судопроизводства, электронное правосудие, информационное общество.

Some Issues of Digitization of Civil Proceedings in the Information Society Establishment Conditions

Chekmareva Anastasia V.
Professor of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy
LL.D., Associate Professor

The article examines some of the problems associated with the introduction of digital technologies in civil proceedings. Revealed correlation of “electronic government” and “electronic justice”, as well as the transformation of state functions in the formation of the information society. The author notes the unpreparedness of civil procedural legislation for the new realities caused by the Covid-19 pandemic and the need for its further improvement. The main directions of modernization of procedural legislation should be: development of a special procedure for procedural actions in conditions of quarantine or other restrictive measures; introduction of digital technologies that simplify and speed up legal proceedings; increasing the level of material and technical equipment of ships; ensuring information security.

Keywords: civil proceedings, informatization, digitalization of legal proceedings, e-justice, information society.

Перспективы развития информационного общества побуждают к совершенствованию и приспособлению всех его сфер к технологическим новациям. В Указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» под информационным обществом понимается общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан¹.

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного обще-

Стремительное проникновение информационных технологий во все сферы современного общества выдвинуло на первый план необходимость его технологического развития на пути становления «электронного государства».

Ряд программных документов (Целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и др.) в качестве целевых установок

ства в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

закрепляют: повышение уровня жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий; обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий; внедрение цифровых технологий в различные сферы общества, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе².

В свою очередь, формирование информационного общества не может не отразиться на функциях и механизме самого государства как в структурном, так и в методологическом плане. Изменение функций государства, по мнению отдельных ученых, будет состоять в создании условий для усвоения накопленной человечеством информации и способствовать формированию информационного общества³.

Существующие подходы к пониманию «электронного государства» имеют философский, политологический, а также правовой аспект и определяют исследуемое понятие, как «постиндустриальную философию взаимодействия государства и общества с использованием новейших информационных технологий»⁴ или «политико-территориальное образование, обладающее суверенитетом, легитимной властью, реализующей свои полномочия, в том числе через совокупность организационно-телекоммуникационных средств...»⁵.

Концепция «электронного государства» не исключает, а, скорее, предполагает необходимость развития так называемого «электронного правосудия», поскольку судебная власть, как разновидность государственной власти, осуществляемая в форме правосудия, также трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий.

Специфика судебной власти современной России состоит в том, что, переживая период трансформации, она неизбежно преломляется в самых различных сферах человеческого бытия, затрагивает многие институты жизнедеятельности граждан, различных организаций и объединений. Наиболее широким полем реализации судебной власти становится гражданский процесс. Об этом убедительно свидетельствует динамика увеличения гражданских дел в начале XXI века. Если в 2006 г. судами рассматривалось 7 564 000 гражданских дел, в 2010 г. — 12 914 000 дел, в 2012 г. — 14 500 000 дел⁶, в 2019 г. — 19,6 млн⁷, а в 2020 г. — уже 21 млн 593 тыс. гражданских дел⁸. Активный рост количества обращений в суд потребовал принятия ряда мер, направленных на снижение судебной нагрузки. К их числу можно отнести и очередную попытку развития примирительных процедур (в частности, введение судебного примирения), и расширение возможностей упрощенного производства, и информатизацию цивилистического процесса. Необходимость исследования информационных процессов, происходящих в судебной системе, стимулировала рост научных изысканий феномена «электронное правосудие», его соотношения с информатизацией деятельности судов, влияния информационных технологий на базовые начала гражданского процесса, их соотношения с принципами электронного правосудия, трансформации гражданской процессуальной формы. Указанная проблематика нашла отражение в работах Е.И. Кокотовой «Правовое

современной российской реалии // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 26.

² Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 2 декабря 2013 г. № 349-ФЗ (ред. от 26.12.2014) «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов». Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Адилходжаева С.М. Роль информационной функции государства и электронного правительства в построении современного правового государства // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2020. № 2 (46). С. 13–16.

⁴ Василькова М.Г. Электронное государство: проблемы правового регулирования // Информационное право. 2009. № 4. С. 7.

⁵ Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. О реализации концепции «электронного государства» в

⁶ Братенков С.И. Досудебное регулирование споров как способ решения проблемы роста нагрузки судей // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 49; VIII съезд судей: этика, нагрузка, оклады, профпраздник // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/judicialanalyst/2012/12/17/265810_5333.html (дата обращения: 17.12.2012).

⁷ Верховный суд подвел итоги работы судов за 2019 год // URL: <https://pravo.ru/story/218428/> (дата обращения: 16.01.2021).

⁸ Доклад Председателя Верховного Суда РФ на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ. 09.02.2021 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/29655/ (дата обращения: 20.02.2021).

регулирование применения информационных технологий в судах общей юрисдикции» (Москва, 2009), И.В. Гавриленко «Процессуальное право в информационном обществе: общие тенденции и перспективы развития» (Самара, 2009), В.А. Пономаренко «Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции» (Москва, 2015), С.В. Васильковой «Электронное правосудие в гражданском процессе» (Санкт-Петербург, 2018), Ю.А. Кондюриной «Принципы гражданского процесса в системе электронного правосудия» (Омск, 2020) и др. Тем не менее, несмотря на широкое использование в юридической литературе термина «электронное правосудие», в научной среде нет единства в его принятии. Так, А.Т. Боннер считал, что «электронное правосудие» — это «лишь новомодный термин, который обозначает не «правосудие» в собственном смысле этого слова, а широчайшее внедрение в судопроизводство современных информационных технологий»⁹. С указанной точкой зрения вполне можно согласиться, поскольку средства и способы обеспечения деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел еще не означают существования «электронного правосудия» в полном смысле этого слова. До тех пор, пока гражданские дела не будут разрешаться роботом-судьей, говорить о полноценном функционировании электронного правосудия преждевременно. Несмотря на существующие в мировой практике активные разработки в этом направлении, в юридической науке и в российских Высших судебных инстанциях преобладающим является мнение о том, что установление обстоятельств дела, исследование, оценку доказательств, толкование закона и в конечном итоге принятие от имени государства итогового акта правосудия нельзя доверить ЭВМ, пусть даже самой совершенной¹⁰. Кроме того, по справедливому утверждению секретаря Пленума Верховного Суда РФ В. Момотова, вряд ли возможно рассуждать о том, что искусственный интеллект заменит судью-человека, поскольку последний при вынесении решений руководствуется своим внутренним убеждением, целым рядом оценочных категорий и понятий, применяет в необходимых случаях аналогию закона и аналогию права, а смысл и «дух законодательства может быть выявлен только человеком с высоким уровнем правовой культуры, а никак не компьютером»¹¹.

В противовес указанным точкам зрения сторонники развития legal tech не считают внедрение робота-судьи перспективой далекого будущего. В качестве аргументов указывается существующая деятельность судьи-человека в рамках заданного алгоритма, с чем вполне может справиться компьютерная программа, с той лишь разницей, что робот-судья выдаст определенное количество решений быстрее, чем это сделал бы человек. Кроме того, «стандартные иски», «стандартные отзывы на иски» позволяют превратить судопроизводство в «алгоритмируемый анализ судебных документов»¹². В. Момотов также не исключает возможность использования искусственного интеллекта в случае, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон (например, при рассмотрении бесспорных требований)¹³. Однако стоит отметить, что «бесспорность» требований, например, в приказном производстве носит достаточно условный характер. К тому же в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ судья должен отказать в принятии заявления, если установит, что из заявления о вынесении судебного приказа и представленных документов усматривается наличие спора о праве. Вряд ли компьютерная программа сможет решить вопрос о наличии или отсутствии в заявлении взыскателя спора о праве гражданском. В то же время выяснение таких вопросов, как оплачено ли заявленное требование государственной пошлиной, соблюдены ли требования к форме и содержанию заявления, а также подготовку проекта процессуального документа, вполне можно доверить искусственному интеллекту. В любом случае автоматизация некоторых процессуальных действий должна способствовать упрощению судопроизводства, процессуальной экономии в целях освобождения времени для сосредоточения судей-человеком на сложных, неоднозначных делах, требующих глубокого анализа фактических обстоятельств, определения правоотношений сторон и в целом высокой степени вовлеченности в процесс мыслительной деятельности.

Не секрет, что установленные российским процессуальным законодательством сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел являются одними из самых кратчайших в мире, а их грубое и систематическое нарушение, повлекшее нарушение прав и законных

⁹ Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ В Верховном суде считают, что роботы никогда не смогут заменить судью. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6296926> (дата обращения: 19.01.2021).

¹² Робот-судья — уже не столь далекое будущее // Российская газета. 2019. 12 сентября. URL: <https://rg.ru/2019/09/12/robot-sudia-uzhe-ne-stol-dalekoe-budushchee.html> (дата обращения: 19.01.2021).

¹³ В Верховном суде считают, что роботы никогда не смогут заменить судью. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6296926> (дата обращения: 19.01.2021).

интересов граждан, может привести к применению дисциплинарной ответственности судей, включая досрочное прекращение их полномочий¹⁴. В сложившихся условиях возрастающего количества поступающих в суды гражданских дел соблюдение процессуальных сроков становится достаточно сложной задачей. Отчасти этим обусловлена законодательная новелла 2018 года о возможности продления срока рассмотрения дела, в случае его сложности.

Согласно исследованию, проведенному НИУ ВШЭ, 62% российских судей перерабатывают более чем вдвое. Соответствует норме нагрузки лишь 24% судей¹⁵. Результатом этого становится так называемое «конвейерное производство», поскольку возросшая нагрузка неизбежно влечет уменьшение количества времени, затрачиваемого на рассмотрение и разрешение дела. Согласно зарубежным исследованиям, выявившим корреляцию роста нагрузки и производительности труда судей, последние «склонны гораздо в большей мере принимать решения на основе интуиции»¹⁶.

Такая ситуация не может не отразиться на эффективности гражданского судопроизводства. Как справедливо отмечает С.А. Курочкин, эффективным гражданское судопроизводство можно считать тогда, когда обеспечивается реальное достижение определенных законом целей судебной защиты и законных интересов с минимально необходимыми издержками. А сроки рассмотрения дел — это разновидность издержек, связанных с судебным разбирательством¹⁷. Однако не стоит отрицать, что в погоне за быстротой судебного разбирательства судья, не имея достаточного времени для судебного разбирательства, может нарушить одно из главных требований судебного решения — законность, в результате чего цель гражданского судопроизводства не будет достигнута. В связи с этим, роль современных информационных технологий, упрощающих работу судьи, сложно переоценить. Искусственный интеллект может быть применен для выполнения в первую очередь обеспечительных (рутинных) функций, таких

как информационно-документарное обеспечение судопроизводства, интеллектуальное экспертно-аналитическое обеспечение судопроизводства, организационное обеспечение судопроизводства и т.п.¹⁸

Пандемия «COVID-19» и введенные ограничительные меры в значительной степени форсировали использование информационно-коммуникационных технологий, однако применение некоторых из них вступило в противоречие с порядком, предусмотренным процессуальным законодательством, что нивелировало гарантии прав участников судопроизводства. Судам было рекомендовано при рассмотрении дел использовать системы видеоконференцсвязи. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 155.1 ГПК РФ участие в судебном заседании происходит путем использования систем видеоконференцсвязи судов, расположенных по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения лиц, что стало невозможным в условиях ограничения передвижения и доступа в помещения судов. В результате суды стали рассматривать дела посредством видеосвязи, с использованием мессенджеров¹⁹.

В целом данные статистики свидетельствуют об увеличении числа используемых электронных судебных систем. Так, в период введения ограничительных мер (18 марта — 20 апреля 2020 г.) количество обращений в электронном виде увеличилось в 1,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. С использованием систем видеоконференцсвязи в указанный период проведено 8 тыс. судебных заседаний. Интернет-ресурсом ГАС «Правосудие» воспользовались 286 млн раз. Верховный суд РФ при рассмотрении отдельных категорий дел использовал веб-конференции, с обеспечением безопасности данных²⁰. Несмотря на то что в России количество интернет-пользователей ежегодно увеличивается и, по данным Digital 2020, составило 118 миллионов россиян, тем не менее нельзя забывать и о гражданах, не имеющих доступа к сети «Интернет»²¹.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62% российских судей. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2018/5ad094389a79472df75fa052> (дата обращения: 19.01.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Курочкин С.А. Эффективность гражданского судопроизводства. М., 2020. С. 271, 326.

¹⁸ Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С. 80.

¹⁹ На Урале суд рассмотрел дело через мессенджер. URL: <https://rg.ru/2020/04/01/reg-urfo/na-urale-sud-rassmotrel-delo-cherez-messenzher.html> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁰ Работа отечественных судов в условиях пандемии. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28858/ (дата обращения: 20.01.2021).

²¹ Интернет 2020 в России и мире: статистика и тренды. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 20.01.2021).

Вполне вероятно, что население еще не раз столкнется с пандемией, в связи с чем право на доступ к правосудию в условиях ограничительных мер, а также специальный порядок процессуальных действий (в частности, основания для отложения, приостановления производства по делу, исчисление процессуальных сроков, проведение веб-конференций и т.п.) должны найти отражение в процессуальном законодательстве. Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, Министерством юстиции России разработаны поправки в цивилистические процессуальные кодексы, расширяющие возможности внедрения информационных технологий. Законопроектом предлагается применять, наряду с системой видеоконференции, веб-конференцию, позволяющую использовать личные средства коммуникации без необходимости явки в суд²².

В этой связи особо остро встает вопрос о необходимости разработки правил идентификации и аутентификации и в целом обеспечения информационной безопасности в сфере гражданского судопроизводства. В качестве основных направлений и форм ее реализации можно выделить: меры, направленные на обеспечение компьютерной безопасности судов, на защиту персональных данных и в целом на защиту информации от кибератак;

определение порядка электронных судебных процедур, обработки и передачи данных при электронном взаимодействии²³. Такие меры влекут необходимость создания в судах специальных служб обеспечения электронной безопасности.

Таким образом, развитие информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие оказало значительное влияние на все сферы жизни современного общества, включая гражданское судопроизводство. В то же время пандемия обнажила неготовность процессуального законодательства к возникшим условиям и необходимость его дальнейшей модернизации. Основными направлениями совершенствования процессуального законодательства в контексте информатизации судопроизводства должны стать: разработка специального порядка процессуальных действий в условиях карантинных или иных ограничительных мер; внедрение цифровых технологий, упрощающих и ускоряющих судопроизводство; повышение уровня материально-технического оснащения судов; обеспечение информационной безопасности. Очевидно, что принятие подобных мер должно осуществляться в рамках единой концепции цивилистической процессуальной политики, формулируемой с учетом направлений развития «электронного государства» и информационного общества.

²² Проект Федерального закона «О внесении изменений в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и иные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=109498> (дата обращения: 22.01.2021).

²³ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы : одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. // СПС «Консультант-Плюс».

Литература

1. Адилходжаева С.М. Роль информационной функции государства и электронного правительства в построении современного правового государства / С.М. Адилходжаева // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2020. № 2 (46). С. 13–16.
2. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 22–38.
3. Братенков С.И. Досудебное урегулирование споров как способ решения проблемы роста нагрузки судей / С.И. Братенков // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 49–52.
4. Василькова М.Г. Электронное государство: проблемы правового регулирования / М.Г. Василькова // Информационное право. 2009. № 4. С. 20–25.
5. Курочкин С.А. Эффективность гражданского судопроизводства / С.А. Курочкин. Москва : Статут, 2020. 356 с.
6. Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе / П.М. Морхат // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С. 61–85.
7. Овчинникова О.Д. О реализации концепции «электронного государства» в современной российской реалии / О.Д. Овчинникова, А.М. Шаганян // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 24–29.

Проблемы обеспечения состязательности по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (часть 1)

Смагина Елена Сергеевна,
заведующая кафедрой гражданского процессуального и трудового права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
esmagina@yandex.ru

Чупилин Дмитрий Александрович,
преподаватель кафедры гражданского процессуального и трудового права
Южного федерального университета
brown6133@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы обеспечения состязательности при рассмотрении дел о недобровольной госпитализации граждан в психиатрический стационар, предлагается определение процессуального статуса родственников и иных лиц, оказывающих помощь госпитализируемому лицу.

Ключевые слова: психиатрическая помощь, медицинская организация, госпитализация, недобровольный порядок, родственники, административные дела, суд.

Problems of Ensuring Adversariality in Administrative Cases on Forced Hospitalization of a Citizen in a Medical Institution Providing Inpatient Psychiatric Treatment (part 1)

Smagina Elena S.
Head of the Department of Civil Procedure and Labor Law
of the Southern Federal University
PhD (Law), Associate Professor

Chupilin Dmitriy A.
Lecturer of the Department of Civil Procedure and Labor Law
of the Southern Federal University

The article discusses the problems of ensuring adversariality in the consideration of cases of involuntary hospitalization of citizens in a psychiatric hospital, it is proposed to determine the procedural status of relatives and other persons providing assistance to a hospitalized person.

Keywords: psychiatric care, medical organization, hospitalization, involuntary order, relatives, administrative cases, court.

29 сентября 2020 г. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) вынес Определение № 2330-О (далее — Определение от 29.09.2020 № 2330-О), в котором в очередной раз¹ констатировал достаточность процессуальных средств защиты для лиц,

подвергаемых принудительной госпитализации. В жалобе заявительница указывала, что оспариваемые законоположения в нарушение конституционных норм допускают необоснованное задержание граждан на срок свыше 48 часов и позволяют суду произволь-

¹ См., напр.: Определения КС РФ от 3 ноября 2009 г. № 1366-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1785-О

и № 1806-О и от 29 марта 2016 г. № 608-О // СПС «КонсультантПлюс».

но, без учета всех фактических обстоятельств, с нарушением положений процессуального законодательства принимать решение о госпитализации граждан в недобровольном порядке. КС РФ констатировал отсутствие нарушений прав заинтересованного лица, обосновав соответствие предусмотренного в главе 30 КАС РФ порядка судебного контроля за принудительной госпитализацией конституционным постулатам, в частности, указав, что рассмотрение административных дел о госпитализации в недобровольном порядке в психиатрическое учреждение осуществляется на основе принципов равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон.

Однако значительная практика обращений российских граждан в ЕСПЧ по данным вопросам², а также собственно практика российских судов по рассмотрению административных дел этой категории не позволяет однозначно принять это утверждение. Так, в Постановлении ЕСПЧ от 23 июля 2015 года по делу «Баталины против Российской Федерации» суд признал нарушение положений Конвенции в делах заявителей, в частности, указав, что действовавший на тот момент схожий порядок судебного контроля за принудительной госпитализацией по ГПК РФ «...тем не менее, является недостаточным, поскольку не предоставляет независимую правовую процедуру, которая бы позволила лицу, недобровольно находящемуся в психиатрической больнице, требовать судебной проверки такого лишения свободы по собственной инициативе с целью обеспечить освобождение». Суд отдельно отметил недоступность для госпитализированного лица в действительности средств защиты, «поскольку он содержался в психиатрической больнице без контактов с внешним миром и не был способен восстановить свои права». Представители РФ указывали на возможность для заявителя прибегнуть к помощи своих представителей, игнорируя тот факт, что родители заявителя не являются его законными представителями как дееспособного лица, а иных средств обеспечить себе договорного представителя у него не было³.

Сложная история развития современного законодательства о процедуре принудительного помещения граждан на лечение в психиатрический стационар берет свое начало с советских времен, когда такое помещение осуществлялось во внесудебном порядке и нередко являлось элементом политической борьбы с идеологически неверно настроенными гражданами, диссидентами и т.д., гарантии защиты (по крайней мере, судебной) от произвола и злоупотреблений при недобровольной госпитализации в СССР отсутствовали, а психиатрия была превращена в карательную область медицины⁴.

В принятом в постсоветский период Законе о психиатрической помощи был нормативно отражен перечень гарантий прав госпитализируемых лиц, в том числе исключительно судебный порядок принудительной госпитализации. В 2002 году в новом ГПК РФ появилась глава 35, посвященная правилам судебного санкционирования такой госпитализации. Эти изменения хотя и являлись важными и, безусловно, необходимыми для своего времени, но все же объективно не могли обеспечить быстрый и полноценный переход к цивилизованной принудительной психиатрии. Так, рассмотрение дел о госпитализации в порядке особого производства в гражданском процессе лишало госпитализируемых лиц ряда средств процессуальной защиты, используемых в классическом состязательном исковом производстве. Кроме того, защита госпитализируемых осложнялась фактическим неравенством их процессуальных возможностей по сравнению с заявителем (медицинской организацией), у суда отсутствовали основания для проявления должной процессуальной активности, да и сама глава 35 ГПК РФ содержала всего несколько статей, которые не давали ответы на все вопросы, которые возникали у судов при рассмотрении данных дел⁵.

Названные обстоятельства, а также то, что принудительная госпитализация по своей сути является мерой публично-правового принуждения, связанной с ограничением конституционного права гражданина на свободу и личную неприкосновенность, послужили предпосылками отнесения с 2015 года

² См. подробнее: Деменева А.В. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России // Международное правосудие. 2014. № 2. С. 21–43.

³ Постановление ЕСПЧ от 23 июля 2015 г. по делу «Баталины против Российской Федерации» (жалоба № 10060/07). Каналогичным выводом ЕСПЧ пришел и по делам «Ракевич против России» (Постановление от 28.10.2003), «Штукатуров против

России» (Постановление от 06.03.2008). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴ Никулинская Н.Ф. Судебный контроль в сфере психиатрической помощи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

⁵ Бурашников Н.А. Судебная практика по делам о принудительной госпитализации в психиатрический стационар // Судья. 2017. № 3. С. 41–45.

этой категории дел к исковым делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства⁶. Однако нормативная регламентация порядка рассмотрения дел о госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке, как и практика его применения, продолжают нуждаться в дальнейшем совершенствовании и корректировке, решении проблем обеспечения баланса частных и публичных интересов, обеспечении реальной действенности средств состязательности.

Порядок рассмотрения судом дел о недобровольной госпитализации в психиатрический стационар (гл. 30 КАС РФ) предполагает доказывание медицинской организацией оснований госпитализации, в том числе с помощью заключения комиссии врачей⁷, назначение адвоката-представителя помещаемому в стационар лицу, если у него отсутствует представитель, участие в таких делах прокурора для дачи заключения, участие самого лица в деле, если состояние его здоровья не препятствует этому. Однако реализация названных правил на деле отличается сугубым формализмом и даже рутинностью, что убедительно демонстрирует правоприменительная практика.

Во-первых, согласно ч. 4 ст. 275 КАС РФ медицинская организация прикладывает к административному исковому заявлению медицинские документы, а учитывая, что в рассматриваемой категории дел она является административным истцом, обладающим публичными полномочиями, то в соответствии с ч. 7 ст. 125 КАС РФ такая организация обя-

зана направить другим лицам, участвующим в деле, копии иска и приложений к нему. Однако уже на данном этапе возникают некоторые практические проблемы. Так, согласно справке Курского областного суда от 6 сентября 2017 г., «хотя в административных исковых заявлениях указывается о приложении к ним уведомлений о вручении другим лицам, участвующим в деле копий административного искового заявления и приложений к нему документов, фактически в делах они отсутствуют <...> мало того, по ряду дел вообще не прослеживается их вручение (направление) лицам, участвующим в деле, в том числе административному ответчику, даже судом»⁸. Однако именно возможность реального ознакомления госпитализированного лица (либо его представителя, родственников) с административным исковым заявлением и приложениями к нему, необходимой медицинской документацией является первоочередной, определяющей гарантией для дальнейшего обеспечения действительной состязательности судебного процесса, выработки госпитализируемым лицом и его представителем надлежащей тактики и стратегии возражений.

Во-вторых, возможность проведения судебных заседаний по делам о принудительной госпитализации в помещении медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, призвана создавать максимально возможные условия личного участия в деле госпитализированного гражданина⁹. Между тем на практике такие заседания про-

⁶ В литературе справедливо отмечается наличие в делах о госпитализации публично-правового спора. См., напр.: Административное судопроизводство: учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова [и др.] ; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. С. 418–419. Автор главы — И.Н. Спицин.

⁷ Такое заключение должно носить доказательный характер, то есть помимо диагноза и описания состояния гражданина должно содержать изложение конкретных фактов об имевших место действиях, высказываниях, особенностях поведения лица, страдающего психическим расстройством, на основании которых принято решение о необходимости госпитализации. См.: Справка по результатам обобщения судебной практики по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и по делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке, подготовленную Курским областным судом 06.09.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Здесь необходимо отметить объективную трудность, связанную с тем, что зачастую принудительно госпитализированное лицо агрессивно реагирует на попытку вручить ему соответствующую документацию, либо психическое состояние такого лица вовсе не позволяет осознать сущность совершаемого действия, поставить свою подпись, в связи с чем представить в суд расписку о вручении просто не представляется возможным. См.: Толмачева М.С. Рассмотрение судами административных дел о принудительной госпитализации в психиатрический стационар // Судья. 2019. № 3. С. 32–34. В этом случае на практике работники медорганизации составляют соответствующий акт и прикладывают его к административному исковому заявлению.

⁹ Особую сложность рассмотрения дел о госпитализации приобрело в период действия режима санитарно-эпидемиологических ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, участие госпитализируемых лиц в судебном заседании посредством электронно-цифровых технологий технически трудно реализуемо. В этой связи госпитализируемые лица лишились даже декоративных гарантий состязательности, поскольку такие дела рассматривались фактически заочно, по представленным документам.

водятся в «конвейерном» режиме (как правило, судьи при выезде в психиатрический стационар принимают решения о госпитализации в отношении сразу нескольких граждан). При этом согласно протоколам заседаний их продолжительность может составлять всего лишь 10 минут (!)¹⁰. Как справедливо отмечено в справке Самарского областного суда, такая незначительная продолжительность судебного заседания по данной категории дел (причем, как правило, заседание суда по делам о госпитализации является единственным) является фактом неполного и скорого суда по столь важному вопросу¹¹.

В-третьих, заключение комиссии квалифицированных врачей имеет мало шансов быть опровергнутым как самим лицом, уже подвергнутым воздействию препаратов, так и назначенным адвокатом, не имеющим серьезной заинтересованности в процессуальной борьбе¹², сами суды также относятся к заключению врачей-психиатров преимущественно не критично¹³.

В справках судов отмечается, что сложность дел о недобровольной госпитализации

в психиатрический стационар связана прежде всего с необходимостью оспаривания профессионального мнения врачей-психиатров, а судебное решение необходимо для того, чтобы санкционировать действие, которое уже фактически совершено, в связи с этим нередко суды подходят к разрешению вопроса о госпитализации лица в стационар в недобровольном порядке несколько формально, не исследуя обстоятельства дела, послужившие причиной помещения лица в психиатрический стационар¹⁴.

Как неоднократно указывал КС РФ, в том числе в Определении от 29 сентября 2020 г. № 2330-О, одним из средств обеспечения защиты госпитализируемого лица является возможность назначения и проведения судебно-психиатрической экспертизы экспертами, не находящимися в служебной либо иной зависимости от административного истца. Однако, учитывая буквальные формулировки ч. 5 ст. 45 КАС РФ, ч. 1 ст. 56 КАС РФ, обязательное представительство и специфику состояния больного, именно представитель госпитализируемого лица, являющегося административным ответчиком, подает ходатайство об экспертизе. При отсутствии его инициативы в проведении экспертизы удовлетворение подобного ходатайства, исходящего от иных участников процесса, в частности родственников лица, весьма неоднозначно. И это притом что недостаточно просто добиться назначения экспертизы, важно обеспечить всемерную поддержку (не в последнюю очередь моральную), защиту госпитализируемого лица и во время ее проведения путем личного деятельного присутствия при производстве экспертизы представителя лица и его родственников в целях дачи пояснений при необходимости, фиксации хода экспертизы, задаваемых лицу вопросов, содержания проведенных с ним бесед, что не исключено по смыслу ч. 3 ст. 79 КАС РФ. Такое присутствие необходимо для повышения стандартов работы экспертов, преодоления «корпоративной солидарности» врачей-психиатров, формулировки вопросов экспертам при их последующем допросе в судебном заседании, критической оценки экспертного заключения.

¹⁰ По словам правозащитников, судья может рассмотреть несколько десятков таких исков за несколько часов и все их удовлетворить. Очевидно, что рассмотрение происходит с участием одного и того же назначенного адвоката и прокурора (если он присутствует), что также свидетельствует о фиктивной состязательности в делах о госпитализации. См.: URL: <https://echo.msk.ru/blog/imalchikova/2728910-echo/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹¹ См.: Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о недобровольной госпитализации граждан в психиатрический стационар и о признании граждан недееспособными, подготовленную Самарским областным судом 27 сентября 2016 г. // URL: http://obsud.sam.sudrf.ru/modules.php?id=379&name=docum_sud (дата обращения: 11.03.2021).

¹² Хотя суды и обращают внимание на то, что роль назначаемого адвоката не должна являться исключительно декоративной и сводиться к простому присутствию в зале суда (см.: Справка Самарского областного суда от 27.09.2016), фактическая ситуация свидетельствует как раз об обратном. Так, в Справке Курского областного суда от 6 сентября 2017 г. указывается, что в одном из дел назначенный адвокат, ссылаясь исключительно на заключение врачей, с представляемым ею лицом, содержащимся в психиатрическом стационаре, не встречалась, его волю не выясняла, и потому фактически роль адвоката в этом судебном процессе была формальной.

¹³ В судебных актах отмечается, что «выводы о психическом состоянии здоровья человека относятся к исключительной компетенции врачей-психиатров» (см., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 24 января 2020 г. по делу № 33а-595/2020 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ Хотя КС РФ отмечал, что роль суда в таких случаях не может сводиться лишь к формальному удовлетворению заявления, суд обязан удостовериться, что отсутствуют основания сомневаться в достоверности и полноте сведений, представленных врачами-психиатрами (Определение КС РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П // СПС «КонсультантПлюс»).

В-четвертых, участие прокурора для дачи заключения по делам о принудительной госпитализации хоть и является обязательным, но может в силу прямого допущения ч. 5 ст. 277 КАС РФ ограничиться представлением письменного заключения без личной, физической явки в процесс. Однако и присутствующие на заседании прокуроры не проявляют активности и не возражают против удовлетворения исков о госпитализации, по крайней мере, нами ни одного примера обнаружено не было.

В-пятых, лицо, находящееся в стационаре и не лишенное дееспособности, не имеет законных представителей¹⁵ и испытывает серьезные сложности или вовсе не может выбрать себе договорного представителя (контакты с внешним миром, как известно, ограничиваются в психиатрическом стационаре), оформив ему доверенность (эту доверенность может удостоверить главврач той же больницы, которая выступает противоположной стороной в споре).

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда ответчик дает согласие на госпитализацию. В этом случае возможны различные процессуальные последствия: отказ в удовлетворении иска о принудительной госпитализации; прекращение производства по делу в связи с отказом истца от иска; удовлетворение иска в связи с признанием иска ответчиком; удовлетворение иска в связи с законностью и обоснованностью заявленных требований. Однако в обобщающих справках судов подчеркивается, что, если согласие на госпитализацию дается в состоянии, когда личностное отношение к факту госпитализации практически установить невозможно, но при этом легко можно склонить больного к подписи под документом о согласии или получить его в суде, такое «согласие» не может быть учтено¹⁶ и такая госпитализация, соот-

ветственно, не может рассматриваться как добровольная.

Практика свидетельствует, что отказы в удовлетворении административных исков по главе 30 КАС РФ, как правило, обусловлены лишь тем, что представитель медицинской организации в заседании не настаивает на удовлетворении заявленных требований, поскольку за время пребывания в отделении до рассмотрения дела по существу состояние больного может стабилизироваться, а основания для госпитализации — отпасть¹⁷. В некоторых случаях административные истцы по тем же соображениям от иска отказываются и производство по делу прекращается¹⁸.

В-шестых, сложности возникают и при обжаловании решений о госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Для самого госпитализированного лица такое обжалование в достаточно короткий 10-дневный срок (ч. 6 ст. 298 КАС РФ) затруднено по вышеописанным причинам, прокурор и назначенный адвокат, не возражавшие против госпитализации, очевидно, не будут этого делать. Кроме того, КАС РФ не содержит специальных правил относительно обеспечения присутствия госпитализированного лица при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции. При анализе доступной судебной практики апелляционного обжалования¹⁹ удалось выявить, что практически всегда апеллянтom выступал представитель госпитализируемого

лицации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании, подготовленная судебной коллегией по гражданским делам Свердловского областного суда 23 сентября 2004 г. № 278-код // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 4 июня 2019 г. по делу № 33-23809/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2018 г. по делу № 33-21063/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См., напр.: Апелляционные определения Московского городского суда от 24 января 2020 г. по делу № 33а-594/2020; от 16 января 2020 г. по делу № 33а-386/2020; от 16 января 2020 г. по делу № 33а-14/2020; от 30 января 2018 г. по делу № 33а-232/2018; от 30 января 2018 г. по делу № 33а-231/2018; от 26 января 2018 г. по делу № 33а-191/2018; от 26 января 2018 г. по делу № 33а-190/2018; от 26 января 2018 г. по делу № 33а-189/2018; от 24 июля 2017 г. по делу № 33а-2513/201748; Апелляционные определения Верховного суда Республики Дагестан от 18 сентября 2018 г. по делу № 33а-5009/2018; от 18 сентября 2018 г. по делу № 33а-5008/2018; от 27 сентября 2018 г. по делу № 33а-5156/2018; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12 ноября 2020 г. по делу № 33а-16024/2020 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Важно отметить, что на практике допускаются нарушения даже относительно привлечения к участию в деле законных представителей недееспособных госпитализируемых лиц. Так, в Справке Курского областного суда от 6 сентября 2017 г. указывается, что в одном из административных дел имелись копии (не заверенные надлежащим образом) документов, указывающих на то, что административный ответчик признан судом недееспособным и имеет опекуна. В то же время суд, принимая решение о рассмотрении дела в отсутствие административного ответчика, надлежащих и исчерпывающих мер к установлению лиц, полномочных представлять его интересы в судебном разбирательстве, не принял.

¹⁶ См.: Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпита-

лица. Доводы жалоб касались: отсутствия оснований для госпитализации; недостаточности собранных по делу доказательств для однозначного вывода о наличии у административного ответчика тех или иных симптомов, психического расстройства и степени его выраженности; наличия родственников или иных лиц, которые могли бы обеспечить безопасность госпитализируемого лица для себя и окружающих без стационарных условий оказания психиатрической помощи; некомпетентности врачей-психиатров и неразрешимых сомнений в объективности их заключения; отсутствия необходимых реквизитов (даты, времени, номеров, подписей, печатей, штампов, ФИО и иных персональных данных госпитализируемого и т.д.) в актах и иных документах медицинской организации либо предположению о фальсификации этих реквизитов; заинтересованности, личных или корыстных мотивов в принудительной госпитализации со стороны третьих лиц, сговора (родственников; знакомых; соседей; лиц, посягающих на имущество, бизнес или детей госпитализируемого); адекватного поведения госпитализируемого лица в судебном заседании суда первой инстанции; готовности лица к добровольному амбулаторному психиатрическому лечению; отказа суда первой инстанции в назначении судебной экспертизы; необходимости лечения иных заболеваний ответчика, в т.ч. за пределами РФ и т.д.

В большинстве случаев жалобы оставались без удовлетворения. Так, за 2016 год в Республике Татарстан было оспорено 17 подобных решений судов, из которых 16 оставлены без изменения²⁰. Крайне редко

²⁰ Справка по результатам обобщения причин отмен и изменений в 2016 году в апелляционном порядке решений и определений судов Республики Татарстан по административным делам и рекомендации

Литература

1. Бурашникова Н.А. Судебная практика по делам о принудительной госпитализации в психиатрический стационар / Н.А. Бурашникова // Судья. 2017. № 3. С. 41–45.
2. Деменева А.В. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека по делам об оказании психиатрической помощи в России / А.В. Деменева // Международное правосудие. 2014. № 2. С. 21–43.
3. Мальчикова Т. Верховный суд определил, что доводы заявителя заслуживают внимания / Т. Мальчикова // Эхо Москвы. 2020. 21 октября.
4. Никулинская Н.Ф. Судебный контроль в сфере психиатрической помощи : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.Ф. Никулинская. Москва, 2009. 29 с.
5. Спицин И.Н. Особенности судебного решения по административным делам об административном надзоре / И.Н. Спицин // Административное судопроизводство : учебник для студентов высших учебных заведений / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. Москва : Статут, 2016. С. 416–419.
6. Толмачева М.С. Рассмотрение судами административных дел о принудительной госпитализации в психиатрический стационар / М.С. Толмачева // Судья. 2019. № 3. С. 32–34.

пересмотр решений по делам о госпитализации доходит до рассмотрения в первой, а тем более во второй кассационной инстанции, однако каждый такой случай становится предметом широкого обсуждения юридической общественности и актуализирует исследуемую проблематику. При этом примечательно, что обжалование решений в экстраординарном порядке осуществляется, как правило, не только адвокатами, но и группами юристов специализированных правозащитных некоммерческих организаций²¹.

Вышеизложенное не позволяет говорить о наличии действительно эффективных средств и гарантий состоятельности при рассмотрении судами дел о госпитализации граждан в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Одним из таких средств, полагаем, может стать формирование системы поддержки, помощи в реализации своих прав госпитализированным лицам, не имеющим законных представителей, прежде всего со стороны родственников.

по рассмотрению дел данной категории // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ За 2020 год удалось обнаружить два подобных дела. В рамках первого суд апелляционной инстанции по жалобе адвоката отменил решение о госпитализации, однако больница обжаловала эту отмену в суд кассационной инстанции, который в итоге подтвердил отсутствие оснований для госпитализации (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2020 г. № 88А-26647/2020 // СПС «КонсультантПлюс»). В рамках второго дела юристам правозащитной организации удалось в Верховном Суде РФ отменить незаконные решения судов нижестоящих инстанций, которые последовательно подтверждали правомерность недобровольной госпитализации ответчика (Определение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 25 ноября 2020 г. № 5-КАД20-21-К2. URL: <https://clck.ru/ThZUj> (дата обращения: 14.03.2021)).

Finis sanctificat media, или Возврат имущества у добросовестного приобретателя

Комолов Артем Леонидович,
руководитель проектов Департамента по работе
с проблемными активами Публичного акционерного общества Сбербанк,
доцент кафедры банковского права и финансово-правовых дисциплин
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
komolovi@mail.ru

В статье рассматриваются правовые аспекты истребования имущества у добросовестного приобретателя, в том числе в ситуации, когда изначально имущество было выведено из конкурсной массы банкрота путем совершения цепочки взаимосвязанных незаконных сделок. Автор анализирует правоприменительную практику относительно верного способа правовой защиты нарушенных прав должника и его кредиторов, в каких случаях стоит обращаться с виндикационным требованием, а в каких — реституционным.

Ключевые слова: банкротство, добросовестный приобретатель, цепочка сделок, виндикация, реституция.

Finis Sanctificat Media or Return of Property from a Good Faith Acquirer

Komolov Artem L.
Project Manager at the Bad Asset Management Department
of Sberbank Public Joint-Stock Company
Associate Professor of the Department of Banking Law and Financial and Legal Disciplines
of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
PhD (Law)

The article deals with the legal aspects of reclaiming property from a bona fide acquirer, including in a situation where the property was initially withdrawn from the bankruptcy estate by making a chain of interrelated unlawful transactions. The author analyzes the law enforcement practice regarding the correct method of legal protection of the violated rights of the debtor and its creditors, in which cases it is necessary to apply with a vindication claim, and in which cases — a restorative one.

Keywords: bankruptcy, bona fide acquirer, chain of transactions, vindication, restitution.

В условиях рыночной экономики несостоятельность (банкротство) отдельных участников хозяйственного оборота является неизбежным, а причиной неблагоприятного финансового состояния определенного субъекта может оказаться и проигранная жесткая конкуренция на рынке соответствующего товара или услуги, и ошибка в выбранной финансовой модели или стратегии ведения бизнеса, и реализация нехеджированных валютных или процентных рисков. Наравне с указанными причинами нередко к банкротству хозяйствующего субъекта приводят недобросовестные действия самого банкрота

в лице его менеджмента, контролирующих должника лиц.

В настоящее время законодательство о банкротстве и правоприменительная практика предусматривают значительное число средств правовой борьбы с совершаемыми в преддверии банкротства недобросовестными действиями участников хозяйственного оборота, направленными как на причинение вреда интересам должника и его кредиторов, так и на сокрытие указанных действий, придание им легитимности.

Истребование имущества у собственника имущества, являющегося добросовестным приобретателем, в случае приобретения прав

на это имущества в результате совершения цепочки сделок — важнейший правовой механизм, направленный на защиту прав первоначального собственника или его кредиторов. Тесно с ним связан и вопрос о конкуренции исков, виндикационного и реституционного требования.

Ответ на вопрос о том, какой способ правовой защиты в такой ситуации является надлежащим, долгое время был определен в соответствии с подходом, изложенным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6-П: последствием сделки, совершенной с лицом, не имевшим право на ее отчуждение, является виндикация имущества, а не двусторонняя реституция.

В пункте 2 Информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 года № 126 этот подход был дополнительно уточнен: если требование заявлено стороной по сделке — не применяется виндикация, если же порок сделки только в том, что лицо не имело права на отчуждение имущества, — не применяется реституция. По сути, та же идея была озвучена и в пункте 34 совместного постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2020 года № 10/22.

Однако представленный подход претерпевал определенные изменения, и складывалась иная практика, допускающая иные способы защиты своих прав. Так, пунктом 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 года № 63 (с учетом дополнений) была допущена возможность рассмотрения в рамках дела о банкротстве и требования о признании сделки недействительной, и виндикационного требования. Заслуживает внимания практика ВС РФ о возможности оспаривания цепочки сделок как единой сделки (позиция, изложенная в пунктах 86–88 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года № 25) и, соответственно, возврата имущества у последнего приобретателя.

Из изложенного следует, что в ситуации, когда из конкурсной массы было неправомерно выведено определенное имущество и к моменту рассмотрения соответствующего спора указанное имущество находится в собственности третьих лиц, у конкурсного управляющего или кредиторов должника имеются различные способы защиты своих нарушенных прав, однако какой из способов является оптимальным и единственно верным, необходимо определять с учетом конкретных обстоятельств каждого спора, что подтверждается следующими примерами.

Дело о возврате в конкурсную массу квартиры в центре Москвы в рамках банкротства ООО «Коммерческий банк «Восточно-европейский банк реконструкции и разви-

тия» (определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2017 года № 305-ЭС15-11230).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «Коммерческий банк «Восточно-европейский банк реконструкции и развития» конкурсный управляющий кредитной организации (государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов») обратился в суд с иском о признании недействительной цепочки последовательно совершенных сделок по отчуждению банком недвижимого имущества — квартиры, расположенной по адресу: г. Москва, ул. Покровка, д. 31, стр. 1, кв. 52, по цене 79 850 000 рублей.

Суды первой и апелляционной инстанций иск удовлетворили, совершенные сделки признали недействительными, применили последствия недействительности прикрываемой сделки в виде возврата квартиры в конкурсную массу банка. Суд кассационной инстанции вынесенные по делу судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение, соответствующее постановление суда Арбитражного суда Московского округа оказалось предметом рассмотрения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

При рассмотрении дела судами было установлено, что 28 июня 2011 года между банком и ООО «Ариана» был заключен договор купли-продажи квартиры, оплата по договору была произведена денежными средствами в полном объеме установленной в договоре цены. Однако впоследствии выяснилось, что указанные денежные средства были предоставлены покупателю самим банком посредством совершения другой цепочки сделок, а именно: заключением кредитных договоров с двумя другими юридическими лицами, связанными с ООО «Ариана», покупкой указанными компаниями векселей банка, передачей указанных векселей в пользу ООО «Ариана», предъявлением последним их к оплате в банк. Таким образом, вместо ликвидного имущества в виде квартиры в центре Москвы в конкурсной массе банка оказались права требования.

Далее указанное имущество было реализовано ООО «Ариана» в пользу сына одного из членов совета директоров банка и еще одного физического лица (впоследствии данное лицо продало приобретенную долю в квартире в пользу мужа того же члена совета директоров банка). Таким образом, ликвидное имущество было выведено из конкурсной массы банка в пользу контролирующего должника лица (на его ближайших родственников) без предоставления адекватного встречного имущественного предоставления. Сами же недобросовестные действия прикрывались цепочкой сделок, внешне законных и формально не связанных

друг с другом по субъектному составу и со значительным временным периодом между сделками в цепочке.

В своем определении по данному делу Верховный Суд Российской Федерации сформулировал важный подход, согласно которому несколько сделок, совершенных в отношении одного и того же имущества, могут являться притворными сделками, а прикрываемая сделка по отчуждению имущества от первоначального собственника в пользу конечного приобретателя может быть признана недействительной по специальным основаниям, с последующим возвратом имущества первоначальному собственнику в порядке реституции. Применение реституции признано возможным и допустимым, так как фактически имущество подлежало возврату от одной стороны прикрываемой сделке в пользу другой стороны по этой же сделке.

Дела о возврате в конкурсную массу нежилых помещений в центре Москвы в рамках банкротства ОАО «Национальный банк развития бизнеса» (определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 305-ЭС15-12239 (5)) и нежилого здания в Череповце в рамках банкротства ООО «Нефтесервис» (определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2020 года № 307-ЭС19-26444 (1, 2)).

В рассматриваемых ниже случаях, когда доказать единую цепочку сделок как притворных оказывается затруднительно или она отсутствует, рассматриваются два требования: и об оспаривании сделки, и о виндикации, при этом в предмет доказывания включаются вопросы о добросовестности приобретения имущества.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ОАО «Национальный банк развития бизнеса» конкурсный управляющий кредитной организацией (государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов») обратился в суд с иском о признании недействительными сделок по финансированию и отчуждению банком недвижимого имущества — нежилых помещений, расположенных по адресу: г. Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, по цене 82 243 746 рублей, при новом рассмотрении дела также дополнительно было сформулировано требование об истребовании указанного имущества из чужого незаконного владения физических лиц, признании за должником права собственности на указанные помещения (то есть, по существу, о виндикации спорного недвижимого имущества).

Суды трех инстанций в удовлетворении требований отказали, после чего дело было рассмотрено Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

При рассмотрении дела судами было установлено, что 24 сентября 2013 года между банком и Заглиевым М.М. был заключен договор купли-продажи нежилых помещений, оплата по договору была произведена лишь 7 марта 2014 года. При этом денежные средства в необходимом объеме у Заглиева М.М. появились только 7 марта 2014 года в результате последовательного совершения следующих сделок: приобретение банком у ООО «ЛЕКСИС ГАРАНТ» неликвидных векселей третьих лиц, последующее транзитное перечисление денежных средств в размере 82 243 746 руб. со счета ООО «ЛЕКСИС ГАРАНТ» на счет Заглиева М.М. через расчетный счет ООО «Агросервис» (общества, контролируемого заместителем председателя правления банка).

Отправляя обособленный спор на новое рассмотрение, Верховный Суд Российской Федерации указал на существенные признаки недобросовестности поведения участников при выводе имущества из состава конкурсной массы должника: фактическое отсутствие расчетов по договору купли-продажи, несмотря на оговорку в договоре об ином, вручение банку неликвидного имущества и получение за него денежных средств, транзитный характер банковских операций на сумму, соответствующую договорной цене спорного имущества. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации при таких обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности участников сделок, бремя доказывания распределяется именно на данных субъектов.

Говоря о допустимости использования такого способа защиты права, как виндикационный иск, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что суды пришли к выводу об отсутствии договорных отношений между банком и владельцами нежилых помещений на момент рассмотрения требований, в связи с чем допустимо применение норм о виндикации имущества, в том числе у добросовестного приобретателя.

При этом практический интерес представляет позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно необходимости проверки добросовестности приобретения имущества и, в частности, установления обстоятельств подыскания продавца имущества, проведения с ним переговоров, расчетов по сделке и источников происхождения средств у покупателей, реальная передача имущества покупателям.

В рамках другого дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «Нефтесервис» конкурсный кредитор и конкурсный управляющий должника обратились с исками об оспаривании соглашения об отступном и применении реституции в виде возврата нежилого здания и земельного участка в конкурсную массу.

Исковые требования были удовлетворены частично, соглашение признано недействительным, а в возврате имущества в конкурсную массу было отказано, так как на момент рассмотрения требования имущество, по мнению судов трех инстанций, принадлежало добросовестному приобретателю. Дело было передано на рассмотрение в Верховный Суд Российской Федерации, который ранее вынесенные по делу судебные акты отменил, дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Верховный Суд Российской Федерации указал, что при обращении с виндикационным иском необходимо доказать недобросовестность приобретения имущества, а именно: либо безвозмездность приобретения имущества, либо осведомленность приобретателя об отсутствии у продавца права на отчуждение соответствующего имущества.

Практическая ценность данного определения состоит в указанных Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации конкретных обстоятельствах, которые судам необходимо было бы оценить при проверке добросовестности приобретения имущества: 1) было ли приобретаемое имущество оплачено в полном объеме (суды лишь установили факт расчетов векселем с сроком платежа через 2 года с момента сделки); 2) приобретение имущества после введения в отношении должника процедуры наблюдения; 3) поступившие заявления о принятии обеспечительных мер в отношении спорного имущества; 4) приобретение имущества одним из предыдущих собственников по заниженной цене; 5) проведение стандартных проверок и переговоров с каждым из участников сделки (покупателем и продавцом).

Существенно важным замечанием Верховного Суда Российской Федерации является также и то, что перечисленные выше обстоятельства должны оцениваться судами в совокупности, так как по отдельности ни одно из них не является однозначным основанием для вывода о недобросовестности приобретателя, однако учитываемые совместно должны порождать у судов соответствующие разумные сомнения, которые такой приобретатель должен аргументированно развеять.

Из представленных примеров недвусмысленно следует, что в настоящее время все отчетливее проявляется подход судов, направленный на защиту и восстановление прав должника и его кредиторов, при этом используемые правовые механизмы могут быть совершенно различными и применяться в совокупности: оспаривание цепочек сделок как притворных, реституция и виндикация.

В этой связи особое внимание также следует уделить следующему определению Верховного Суда Российской Федерации, в

котором наряду с виндикацией ставится также вопрос о возможности защиты интересов должника на основании соответствующего кондикционного требования.

Дело о возврате в конкурсную массу двух зданий в рамках банкротства ООО «Фармстронг» (определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2020 года № 301-ЭС17-19678).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «Фармстронг» конкурсный управляющий должника обратился с иском об оспаривании сделок по продаже недвижимого имущества должника и реституции в виде возврата зданий в конкурсную массу. Впоследствии исковые требования были уточнены, управляющий также просил признать недействительными и все последующие сделки с указанным имуществом, восстановить право собственности должника на здания.

Суды признали сделки недействительными, в порядке реституции обязали первого покупателя зданий уплатить должнику их действительную стоимость, после чего дело было передано на рассмотрение в Верховный Суд Российской Федерации.

Вынесенное определение по комментируемому делу интересно тем, что в нем содержатся детальные разъяснения о различии в применяемых средствах правовой защиты (виндикационное и реституционное требование) и основаниях для их применения. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указывает, что реституционное требование направлено на защиту интересов должника в ситуации, когда воля первого приобретателя имущества действительно была направлена на совершение соответствующей сделки, у сторон возникли реальные правоотношения с намерением создания правовых последствий в виде перехода к покупателю прав собственности. В этом случае последующее отчуждение первым покупателем имущества в пользу третьих лиц порождает права первоначального продавца (или его кредиторов) на заявление виндикационного требования (таким образом, применяются и разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 апреля 2003 года № 6-П, и процессуальные разъяснения пункта 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 63).

Реституционное требование подлежит защите в той ситуации, когда первый приобретатель выражал свою волю лишь формально, без намерения создать для сторон соответствующие правовые последствия. Все личности в соответствующей цепочке сделок участвуют

в обороте лишь формально в целях вывода активов в интересах конечного приобретателя, нередко связанного с самим же первоначальным продавцом (должником). В этом случае реституционное требование истца подлежит рассмотрению с учетом разъяснений, изложенных в пунктах 86–88 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25.

Кроме того, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2020 года № 301-ЭС17-19678 изложена позиция о допустимости защиты интересов должника и кредиторов не только посредством заявления виндикационного или реституционного, но также путем заявления требования о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате реализации схемы по выводу активов должника. Верховный Суд Российской

Федерации также призывает обращать внимание на заведомую незаконность примененной схемы, противоправный умысел всех участников схемы и сам факт причиненных убытков.

По мнению автора настоящей статьи, примененный в указанном деле подход является наглядной демонстрацией тренда в судебной практике, направленной на защиту интересов должника и его кредиторов от недобросовестных действий третьих лиц, согласно которому для восстановления нарушенных прав, исключения неосновательного обогащения третьих лиц за счет конкурсной массы должника могут использоваться практически все известные правовые средства, а суд в первую очередь должен руководствоваться не формальным подходом при разрешении соответствующего обособленного спора, а на восстановление экономической и правовой справедливости.

DOI: 10.18572/2072-3636-2021-3-30-35

О критериях разграничения административного и гражданского судопроизводств: вопросы теории и практики

Михайлова Екатерина Владимировна,
ведущий научный сотрудник сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, доцент
e.v.mihailova@bk.ru

В статье рассматривается вопрос о последствиях дифференциации процессуальных форм защиты нарушенных прав. Показано, что еще в недавнем прошлом термин «гражданское судопроизводство» обозначал процессуальную форму защиты как частных, так и публичных прав. С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в порядке гражданского судопроизводства должны рассматриваться частноправовые конфликты, а также отдельные категории дел неискowego характера. Публично-правовые конфликты теперь подлежат рассмотрению по правилам административного судопроизводства, которое имеет существенную процессуальную специфику. Однако в законодательстве отсутствует критерий разграничения гражданско-правовых дел и публично-правовых конфликтов, что затрудняет решение вопроса о применимой процессуальной форме защиты. Кроме этого, на сегодняшний день суд общей юрисдикции вправе решить вопрос о возбуждении подсудного ему гражданского или административного дела на основании применимого процессуального законодательства по собственному усмотрению, что лишает заявителя права на рассмотрение его дела в том процессуальном порядке, на который он рассчитывает. Предложен критерий определения природы спорного материального правоотношения (частноправовая или публично-правовая), а также критически оценивается отказ законодателя от использования категория «подведомственность гражданского дела».

Ключевые слова: правосудие, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, подведомственность дела, компетенция суда, частное и публичное право.

On Criteria for Demarcation of Administrative and Civil Proceedings: Issues of Theory and Practice

Mikhaylova Ekaterina V.

Leading Research Scientist of the Department of Civil Law, Civil and Arbitral Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
LL.D., Associate Professor

The article examines the issue of the consequences of differentiation of procedural forms of protection of violated rights. It is shown that even in the recent past, the term "civil proceedings" denoted a procedural form of protection of both private and public rights. With the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, private-law conflicts, as well as certain categories of cases of a non-discriminatory nature, should be considered in civil proceedings. Public-law conflicts are now subject to consideration according to the rules of administrative proceedings, which have significant procedural specifics. However, the legislation lacks a criterion for distinguishing between civil law cases and public law conflicts, which makes it difficult to resolve the issue of the applicable procedural form of protection. In addition, today a court of general jurisdiction has the right to decide the issue of initiating a civil or administrative case under its jurisdiction on the basis of the applicable procedural legislation at its own discretion, which deprives the applicant of the right to consider his case in the procedural order he expects. A criterion for determining the nature of a disputed material legal relationship (private law or public law) is proposed, and the refusal of the legislator to use the category "jurisdiction of a civil case" is critically assessed.

Keywords: justice, civil proceedings, administrative proceedings, jurisdiction of the case, jurisdiction of the court, private and public law.

На протяжении десятилетий гражданское судопроизводство представляло собой самую масштабную и универсальную процессуальную форму защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов. Понятием «гражданское дело» определялось абсолютное большинство дел, поступающих на рассмотрение государственных судов. Но в различные исторические периоды компетенция государственных судов в области гражданского судопроизводства была различной — иногда шире, иногда уже. Как писала Н.А. Чечина, «определение объема правовой защиты, осуществляемой судами общей юстиции по правилам гражданского судопроизводства, может быть сведено к проблеме обоснования границ правосудия по гражданским делам, которую в литературе принято обозначать как проблему пределов гражданской юстиции»¹. Эта проблема в настоящее время стоит очень остро.

В дореволюционный период гражданские суды рассматривали исключительно частно-правовые дела. Е.В. Васьковский указывал, что суды вообще учреждены были «для проверки правомерности требований, вытекающих из юридических отношений граждан между собою, т.е. из отношений между отдельными частными лицами, как самостоятельными, равноправными, координированными

субъектами. Такие требования называются гражданско-правовыми. Им противоположны требования публично-правовые, возникающие, во-первых, между частными лицами, с одной стороны, и органами государственной власти — с другой, т.е. между субъектами неравноправными, субординированными, находящимися в подчинении один другому, и, во-вторых, из отношений органов власти между собою. Публично-правовые требования подлежат рассмотрению административных учреждений»². Итак, как видно, публично-правовые дела разрешались во внесудебном порядке, принудительными мерами администрации.

До революции 1917 года к так называемым «административным делам» относились: 1) отношения по государственному устройству и по государственной и общественной службе военной и гражданской, а именно: споры о праве участия в государственном, земском или общественном управлении, о правах на должность, чины и отличия, на повышение оклада жалования, на пособия и пенсии, отчетность, начеты и взыскания по службе, дисциплинарные дела по надзору высших органов власти над низшими, жалобы на перемещение и увольнение от службы; 2) требования личных или имущественных пожертвований со стороны подданных, основанные на верховном праве государства, а именно на праве экспроприации, налогов и повинностей; 3) полицейские

¹ Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2004. С. 365.

² Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. С. 133.

распоряжения как по предупреждению опасностей, так и в видах общественного благосостояния, и возникающие по поводу их споры³. Как видно, по дореволюционному законодательству к публично-правовым относились не только споры граждан с органами публичной власти, но и трудовые споры, споры в сфере пенсионного и иного социального обеспечения, а также споры между неравноправными органами публичной власти (по «надзору высших органов над низшими»).

В советский период дела, возникающие из административных правоотношений, разрешались в судебном порядке, а правила их рассмотрения содержались в отдельных правовых актах. Первая категория дел публично-правового характера, отнесенная к ведению суда, это дела о неправильностях в списках избирателей, вторая — дела о недоимках и штрафах⁴. В ГПК РСФСР 1964 года был включен раздел 2, который назывался «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений» и содержал правила рассмотрения и разрешения следующих дел: по жалобам на неправильности в списках избирателей; по жалобам на действия административных органов; о взыскании недоимок с граждан по государственным и местным налогам и сборам, обязательному окладному страхованию и самообложению⁵.

Как отмечали ведущие ученые того времени, комментируя положения раздела 2 ГПК РСФСР 1964 года, «все демократические принципы советского гражданского процесса проявляются и в производстве по делам, возникающим из административных правоотношений. Состязательность, устность, непрерывность, непосредственность судебного разбирательства характерны для этого вида производства в той же мере, что и для искового. Однако поскольку предметом рассмотрения дела является не спор о праве гражданском (в широком смысле), а вопрос о правомерности и законности актов и действий, совершаемых административными органами, либо о судебном подтверждении законности и обоснованности притязаний этих органов (по делам о взыскании недоимок по налогам), конкретное проявление отдельных принципов советского гражданского процесса имеет известную специфику. ...Наличие не гражданского, а административных правоотношений между сторонами исключает, например, возможность мировой сделки»⁶.

³ Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Том первый. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1876. С. 27–28.

⁴ Памятники российского права. В 35 т. Т. 31. Гражданско-процессуальные кодексы РСФСР : учебно-научное пособие. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 149–152 (автор главы — Е. В. Михайлова).

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой,

Также в рамках гражданского судопроизводства рассмотрению подлежали дела бесспорного характера — об установлении юридически значимых фактов и правовых состояний граждан (особое производство). Можно с уверенностью констатировать, что понятие «гражданское дело» обозначало все дела, за исключением уголовных. В научной литературе отмечали, что к гражданским делам относятся все дела, где предметом защиты выступают субъективные гражданские права⁷.

Принятие в 1991 году Закона «Об арбитражном суде», в котором закреплялось, что арбитражный суд осуществляет судебную власть при разрешении споров, вытекающих из гражданских правоотношений (экономические споры) и из правоотношений в сфере управления (споры в сфере управления), знаменовало начало процесса дифференциации процессуальных форм защиты прав в сфере гражданской юрисдикции.

Однако в структуре Гражданского процессуального кодекса (сначала ГПК РСФСР 1964 года, а после — ГПК РФ 2002 года) сохранялся раздел, регулирующий процессуальный порядок рассмотрения и разрешения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Поэтому неизменным оставался статус гражданского судопроизводства как общей и универсальной, приоритетной формы защиты гражданских прав. К ведению арбитражных судов относились только дела, прямо указанные в законе, а все прочие дела должны были рассматриваться по правилам гражданского процессуального законодательства.

ГПК РФ 2002 года содержал подраздел 3 «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений», который утратил силу 15 сентября 2015 года в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства. Согласно статье 245 указанного подраздела 3, суд рассматривал следующие дела, возникающие из публичных правоотношений: по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, если рассмотрение этих заявлений не отнесено федеральным законом к компетенции иных судов; по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме

В.К. Пучинского. М. : Юридическая литература, 1976. С. 304.

⁷ Рожкова М.А. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59.

граждан Российской Федерации; по заявлениям о помещении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащих депортации или передаче Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, либо принимаемого Российской Федерацией иностранного гражданина или лица без гражданства, переданных иностранным государством Российской Федерации в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в предназначенное для этого специальное учреждение; по заявлениям об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене или дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений; иные дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к ведению суда⁸.

Однако в 2015 году происходит дальнейшая дифференциация форм отправления правосудия, и статус самостоятельной процессуальной формы защиты нарушенных прав приобретает производство по делам, возникающим из публичных правоотношений. Теперь дела публично-правовой природы (все, кроме уголовных) рассматривают и разрешают суды общей юрисдикции по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). В порядке же гражданского судопроизводства теперь должны рассматриваться только частноправовые дела и дела бесспорного характера. Круг замкнулся — мы вернулись к дореволюционному порядку.

Не будем здесь касаться вопроса о целесообразности принятого законодателем решения обособить процедуру рассмотрения публично-правовых дел в отдельное судопроизводство. В науке высказывались мнения против выделения административного судопроизводства в самостоятельную процессуальную отрасль. Так, Т.Е. Абова говорила о том, что «совсем не обязательно заменять гражданское судопроизводство административным»⁹. Но это решение состоялось. Однако оно породило ряд проблем теоретического и практического характера, которые необходимо разрешать.

Первая и важнейшая проблема — это отсутствие в законе легально закрепленного

критерия, позволяющего разграничить дела публично-правовой природы (которые должны рассматриваться и разрешаться по правилам КАС РФ) и дела частноправового характера (подлежащие рассмотрению в рамках гражданского судопроизводства). КАС РФ структурирован неудачно — он состоит из множества глав, предписывающих порядок рассмотрения дел отдельных категорий. Процедура в основном одинакова, за немногочисленными особенностями, которые трудно сразу выявить. В этом смысле предшествующее законодательство было несравнимо удобнее: специальный раздел, посвященный порядку рассмотрения дел публично-правового характера, содержал свод специальных правил, а также конкретный перечень дел, которые должны были рассматриваться с учетом этих особенностей. Основной же производством по делам, возникающим из публично-правовых отношений, были общие правила искового производства.

Несовершенство КАС РФ вызвало к жизни Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 года № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». В нем разъяснено, что «к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику». При этом из сферы административного судопроизводства исключены служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда (п. 1 Постановления). А далее указано, что «суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций субъектов профессиональной деятельности, если оспариваемые решения, действия (бездействие) являются результатом осуществления (неосуществления) указанных полномочий. В то же время не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ не связанные

⁸ СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/57503798/8e2aa05436d8bcce2570fe47ad4e5281/#block_1203 (дата обращения: 15.06.2021).

⁹ Абова Т.Е. Направления развития судебной системы в России в сфере гражданского судопроизводства // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации : сб. науч. статей. Краснодар — СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. С. 32.

с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке» (п. 2 Постановления).

Вопросу критерия разграничения частных и публичных правоотношений в юридической науке посвящено множество работ. Р.Е. Лукасян точно определил суть этого отличия: «Обычно материальные административные правоотношения отличаются от гражданско-правовых по тому признаку, что первые являются отношениями власти и подчинения, а вторые основаны на равенстве сторон»¹⁰.

Д.М. Чечот обращал внимание на важнейшее положение о том, что «участие в споре административного органа само по себе не делает спор административным, так как административные органы могут вступать с соответствующими лицами как в административные, так и в иные (гражданские, трудовые и т.д.) правоотношения»¹¹.

По мнению выдающегося ученого-юриста Н.М. Коркунова, «наиболее характерные различия частных и публичных прав выражаются в порядке приобретения тех и других прав, в способах их потери, в различии содержания самого права и в соотношении права и обязанности»¹².

Таким образом, для публично-правовых отношений характерна совокупность двух признаков: во-первых, они складываются между двумя неравными субъектами, один из которых имеет частноправовую природу, а другой — публично-правовую. Во-вторых, публичный субъект в рамках публично-правового отношения осуществляет свои властные функции в отношении противоположной стороны. В свое время Е.А. Нефедьев четко выделил эти два признака, подчеркнув, что административные дела имеют иные элементы в сравнении с частноправовыми делами: они возникают «между административными лицами и учреждениями, с одной стороны, и частными лицами — с другой, по поводу государственного управления, возникают властеотношения, элементы которых суть: власть

на стороне первых и подчинение на стороне вторых»¹³.

Публично-правовые отношения могут складываться на основании не только общепризнанных отраслей публичного права — административного, налогового, бюджетного и т.д., но и при реализации норм гражданского законодательства. Например, правовые отношения в области пенсионного и иного социального обеспечения граждан имеют публично-правовой характер.

Более того, ряд отношений, регулируемых нормами Гражданского кодекса РФ, также имеют публично-правовой характер. Таковы отношения, связанные с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных служб, а также не используемых собственником по назначению земельных участков. Дела, возникающие из этих правоотношений, должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства.

При этом очень важно не смешивать публично-правовые и «квази-властные» правоотношения, каковыми являются, например, трудовые или корпоративные отношения. Публично-правовые отношения всегда связаны с отправлением публичной (государственной) власти. Споры, возникающие из трудовых правоотношений, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Законодательная нечеткость в определении круга публично-правовых дел, подлежащих рассмотрению и разрешению по правилам административного судопроизводства, послужила, как видится, причиной отказа законодателя от использования категории «подведомственность дела».

Понятие подведомственности как критерия разграничения дел между звеньями судебной системы страны всегда являлось необходимым условием защиты нарушенного или оспоренного права — в случае нарушения правил подведомственности дела суд отказывал в принятии заявления. В условиях очевидной и достаточно жесткой дифференциации процессуальных форм защиты, выразившейся в выделении административного судопроизводства из гражданского, правила подведомственности, как представляется, должны были быть только усилены. Ведь если процессуальные особенности рассмотрения отдельной категории юридических дел столь существенны, что потребовали обособления и самостоятельности, значит, правильное определение процессуальной формы защиты — необходимая предпосылка защиты права.

Однако произошло все ровно наоборот — понятие подведомственности исключено из

¹⁰ Лукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. С. 426.

¹¹ Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. С. 450.

¹² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 224–225.

¹³ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 3-е. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1908. С. 20.

норм действующего законодательства и заменено термином «компетенция». Само по себе изменение терминологии не несет рисков, однако отказ от подведомственности повлечет исключение из оснований для отказа в принятии искового заявления нарушение правил обращения за судебной защитой (требований подведомственности дела). На сегодняшний день при предъявлении в суд общей юрисдикции административного искового заявления, содержащего требование, подлежащее рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, суд решает вопрос о возбуждении производства по делу на основании норм гражданско-процессуального законодательства (ст. 16.1 КАС РФ). Аналогичное правило закреплено в ст. 33.1 ГПК РФ. Конечно, с одной стороны, такой алгоритм существенно облегчает и ускоряет доступ к правосудию. Но с другой — защита права производится не в том процессуальном порядке, на который рассчитывал заявитель. Если рассмотрение дела в порядке административного судопроизводства предполагает ряд «процессуальных льгот» для граждан: активную роль суда, который вправе выходить за пределы требований и доводов сторон, особое распределение обязанностей по доказыванию, в соответствии с которым орган публичной власти обязан доказать законность и обоснованность своих действий, решений, сокращенные сроки рассмотрения дел и проч., то исковой порядок в гражданском процессе основан на жесткой состязательности сторон:

каждая из них должна самостоятельно доказать основания своих требований или возражений. Поэтому процессуальная форма рассмотрения и разрешения дела имеет принципиальное и во многом определяющее значение для исхода дела.

В целом следует признать, что выделение административного судопроизводства в самостоятельную процессуальную форму защиты нарушенных или оспоренных прав и отрасль российского процессуального права было теоретически и практически оправданным решением. Безусловно, защита публичного права должна производиться в рамках специализированной формы. Но необходимыми условиями эффективности правовой защиты в условиях дифференциации процессуальных форм являются, во-первых, закрепление легального, исчерпывающего, четкого критерия отграничения дел публично-правового характера от гражданско-правовых дел, рассматриваемых по правилам гражданского судопроизводства, и, во-вторых, установление жесткого правового «порога» для прохождения дела в пределы того или иного судопроизводства — его можно назвать «подведомственностью» или «компетенцией суда», но определяться он должен не усмотрением суда, а законом, и у лиц, участвующих в деле, должно быть непрерываемое право оспаривать возбуждение дела в рамках нежелательной для них процессуальной формы отдельно от судебного решения.

Литература

1. Абова Т.Е. Направления развития судебной системы в России в сфере гражданского судопроизводства / Т.Е. Абова // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации : сборник научных статей / под редакцией Т.Е. Абовой. Краснодар ; Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2011. С. 24–35.
2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васильковский. Москва : Зерцало, 2003. 464 с.
3. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу / Р.Е. Гукасян. Москва : Проспект, 2008. 480 с.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2003. 430 с.
5. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. В 3 томах. Т. 1 / К. Малышев. 2-е испр. и доп. изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. 455 с.
6. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под редакцией Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. Москва : Юридическая литература, 1976. 600 с.
7. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. 3-е изд. Москва : Тип. Императорского Московского Университета, 1908. 404 с.
8. Памятники российского права. В 35 томах : учебно-научное пособие / О.Б. Бобровский [и др.] ; под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. Т. 31. Гражданско-процессуальные кодексы РСФСР / О.В. Грицай, Е.Н. Губина, Е.В. Михайлова ; под общей редакцией Р.Л. Хачатурова, Е.А. Трешевой. Москва : Юрлитинформ, 2017. 304 с.
9. Рожкова М.А. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе / М.А. Рожкова // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59.
10. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу / Н.А. Чечина. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004. 656 с.
11. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, Изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 616 с.

Проблемные аспекты определения размера судебной неустойки (астрента) в правоприменительной практике

Шумов Петр Владимирович,
доцент Юридического института
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ),
кандидат юридических наук
pshumov@gmail.com

Петрова Екатерина Сергеевна,
юрист в организации общества с ограниченной
ответственностью «СОПРОВОЖДЕНИЕ ВАШЕГО БИЗНЕСА»
Ekaterina.petrova@gmail.com

С появлением в российском правовом порядке зарубежного аналога института астрент правоприменительная практика столкнулась с массой вопросов, связанных с применением данного института. В настоящее время одним из дискуссионных моментов является вопрос определения размера астрента. В этой связи в данной работе был проведен анализ судебной практики по присуждению астрента, обобщены и указаны виды форм астрента, а также возможные причины и препятствия в установлении четких критериев определения судебной неустойки.

Ключевые слова: астрент, судебная неустойка, размер судебной неустойки.

Challenging Aspects of the Calculation of the Amount of Judicial Penalty (Astreinte) in the Law Enforcement Practice

Shumov Petr V.
Associate Professor of the Law Institute of the Vladimir State University (VISU)
PhD (Law)

Petrova Ekaterina S.
Lawyer at SUPPORT OF YOUR BUSINESS Limited Liability Company

With the appearance in the Russian legal order of the foreign analogue of the astrent institute, law enforcement practice has faced a lot of questions related to the use of this institute. Currently, one of the points of discussion is the issue of determining the size of the astrent. In this regard, this paper analyzes the judicial practice on the award of astrent, summarizes and indicates the types of forms of astrent, as well as possible reasons and obstacles in establishing clear criteria for determining the court.

Keywords: astrent, court penalty, amount of court forfeit.

К сожалению, правовая действительность в нашей стране на сегодняшний день такова, что лицо, имеющее вступивший в законную силу судебный акт, нередко сталкивается с трудностями, связанными с возможностью реального исполнения судебного акта, что сказывается на реализации основополагающих принципов права. Вопрос исполнимости решений суда является одним из актуальнейших в насто-

ящее время. Обращаясь к статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов России¹, в 2020 году из 1,1 млн исполнительных производств по требованиям неимущественного характера, находивших-

¹ Отчет о выполнении плана работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на 2020 год. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 23.03.2021).

ся на исполнении, была окончена и прекращена только половина, при этом окончено фактическим исполнением лишь 352 тыс. исполнительных производств. Данная статистика отражает проблему, связанную с исполнением судебного акта. Один из возможных способов обеспечения исполнения должником требований судебных актов является астрент.

В 2015 году в российском законодательстве появилась норма, позволяющая кредитору получить компенсацию в случае неисполнения судебного акта в натуре — статья 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный институт знаком уже зарубежным правовым порядкам и носит название «астрент», он активно применяется во Франции, Германии, Нидерландах и в других странах. Необходимо отметить, что *de facto* этот институт уже раньше использовался в практике российских арбитражных судов на основании разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации². В России же данный институт получил название «судебная неустойка», но часто в решениях встречается и само слово астрент, поэтому в данной статье эти понятия будут использоваться как синонимы, характеризующие одно и то же явление.

Астрент выступает в форме денежного взыскания в пользу истца, которое определяется судом в сумме за каждый просроченный день (или другую единицу времени) и налагается на сторону ответчика, для его понуждения с целью исполнения судебного акта. Данный инструмент призван обеспечить исполнение судебного акта таким образом, чтоб уклонение от его исполнения было бы невыгодно противоположной стороне.

В настоящий момент правовое регулирование астрента в российском праве сосредоточено лишь в одном предложении пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, схожие положения закреплены в части 4 статьи 174 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 206 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации, а также в пунктах Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7³. Несмотря на отсутствие более детального регулирования судебной неустойки на законодательном уровне, суды активно применяют астрент в своей практике, но приходится одновременно констатировать, что российский астрент все же не лишен некоторых недостатков. Проведенный анализ правоприменительной практики раскрыл существующие проблемы реализации норм о судебной неустойке, и одна из проблем, которая будет раскрыта в данной статье, это проблема определения размера судебной неустойки.

В настоящее время, к сожалению, в российской судебной практике отсутствуют единые критерии определения размера астрента. Все регулирование определения размера судебной неустойки сосредоточено в пункте 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7, где присутствует указание на судебское усмотрение в вопросах определения размера судебной неустойки, основанное на принципах справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения должником выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Отсутствие конкретики и указание лишь одних оценочных критериев позволяет судам свободно определять размер астрента, что в подавляющем большинстве случаев вызывает множество вопросов. Так, можно встретить решения, где суды прямо обозначают, что размер судебной неустойки является оценочной категорией, и, соответственно, суд вправе произвольно определять данные суммы (решения Арбитражного суда г. Москвы от 21 февраля 2019 года по делу № А40-170588/2018).

В связи с отсутствием четких критериев определения размера судебной неустойки и возложением указания величины астрента лишь на судебское усмотрение в практике прослеживается тенденция занижения размера. В подавляющем количестве дел судьи «перестраховываются» и не взыскивают более или менее значительные размеры

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

судебной неустойки, способствующие стимулировать ответчика к исполнению решения. В практике судов общей юрисдикции по присуждению астрента в ряде случаев встречаются такие размеры, которым сложно дать хоть какое-то конкретное объяснение. Наглядным примером будут акты, присуждающие астрент в колоссально малых размерах, пример — за день неисполнения судебного акта в размере 50 рублей (решение Центрального районного суда г. Тюмени от 10 января 2019 года по делу № 2-711/2019). Такой ничтожно малый размер судебной неустойки, не способный выполнять основную цель института — создание условий невыгодности неисполнения судебного акта, встречается, к сожалению, и в практике арбитражных судов, например, в случае предъявлении требований о передаче определенных документов (решение Арбитражного суда г. Москвы от 6 ноября 2018 года по делу № А40-145691/2018). В судебном акте Арбитражного суда Нижегородской области, где было установлен размер астрента — 50 рублей в день, пояснено, что заявителю была передана основная часть необходимых документов (определение от 20 марта 2018 года по делу № А43-17523/2016). Но суд почему-то не захотел принимать во внимание, что судебный акт был исполнен не в полном объеме при существующей возможности его исполнения.

Кроме того, определяя величину астрента, нередко суды воздерживаются от обоснования присуждаемой суммы, ограничиваясь лишь общими фразами и ссылаясь на статью 308.3 ГК РФ и Постановление Пленума. Так, показательным является постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2017 года № 15АП-9355/17 по делу № А53-11566/2016, где суд отказался принимать размер судебной неустойки, определенный истцом на основании заключения эксперта, указав, что представленный размер «является чрезмерным и не отвечает принципам справедливости и соразмерности».

Также стоит отметить, что встречаются, но довольно редко и значительные суммы присуждения астрента, так, в 2019 году был присужден один из самых крупных астрентов в российской судебной практике — 31,8 миллиона рублей еженедельно по день фактического исполнения судебного акта

(постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 января 2019 года № 09АП-58765/2018 по делу № А40-51715-2018).

В итоге практически отсутствует возможность предсказать, какой размер судебной неустойки присудит суд, какая величина будет считаться судом разумной и справедливой в конкретном деле, сложно даже обозначить примерные минимальные и максимальные размеры астрента, на которые может рассчитывать заявитель. В связи с тем, что величина определяется произвольно судами, итоговые суммы судебной неустойки различаются в десятки раз.

Анализ правовых подходов, существующих в правоприменительной практике в сфере установления размера астрента, показывает, что астрент может быть установлен:

- в твердом размере;
- в виде периодических платежей (определенная сумма, начисляемая в течение каждого дня, недели, иного промежутка времени, при этом сумма может быть ограничена как высшим пределом суммы взыскания, так и без ограничения);
- в форме денежной суммы, начисляемой по прогрессивной шкале (судебная неустойка пропорционально увеличивается в течение установленного срока, может быть как ограничена максимальным пределом, так и не ограничена).

Некоторые примеры из судебной практики, характеризующие разные формы присуждения астрента.

В виде периодических платежей — в определенной сумме в размере 500 рублей за каждый день неисполнения судебного акта (решения Арбитражного суда г. Москвы от 15 января 2019 года по делу № А40-285189/2018); 40000 рублей за каждую неделю неисполнения акта (постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2018 года по делу № А45-19525/2017).

В виде прогрессивной шкалы — 30000 рублей по истечении месяца с даты вступления в законную силу решения суда за первые две недели неисполнения, 100000 рублей за третью и каждую последующую неделю неисполнения решения суда (решения Арбитражного суда г. Москвы от 10 января 2019 года по делу № А40-201379/2018).

Как указано выше, варианты форм судебной неустойки могут варьироваться, конечный вариант и размер неустойки может зависеть от ряда факторов: от формы, предложенной заявителем суду в качестве надлежащей меры стимулирования; от убедительности и обоснованности утверждения именно такой формы и такого размера астрента; также от наличия объективных препятствий для исполнения судебного акта; встречаются судебные акты, где суды также учитывают имущественное положение ответчика, (постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2020 года по делу № А78-10482/2018).

Таким образом, даже при наличии некоторых выработанных практикой подходов суммы астрента, присуждаемые судом, сильно разнятся, и в большинстве случаев это минимальные размеры, не способные обеспечить цель астрента. Так почему же до сих пор для одного из вариантов решения проблемы с исполнением актов неимущественного характера не разработано четких критериев? Видится несколько причин:

— во-первых, вернемся к заурядной фразе о новизне астрента в российском правопорядке, отсюда следует отсутствие практики по данному вопросу в ВС РФ, зачастую заявители не идут обжаловать акт с установленными мизерными суммами астрента, тут действует установка «хорошо, что вообще присудили», а если и встречаются лица, оспаривающие присужденные суммы, то до ВС РФ они не доходят;

— во-вторых, как показывает практика, суды не очень-то и заинтересованы в исполнении вступивших в законную силу решений, главное — чтоб их акт устоял, а как он будет исполняться — не совсем важно. Исполнением решений занимается другой орган, статистику по исполнению решений суды не ведут, поэтому здесь можно говорить, что суды, в том числе и вышестоящий, не видят особую необходимость в регламентации четких критериев для размера астрента;

— и третья причина связана с первой, в отсутствие устоявшийся практики по вопросам сумм астрента нет понимания рамок установления критериев, поэтому и нет четких позиций, предложений таких критериев. Возможны и иные причины.

Но несмотря на наличие возможных препятствий, все-таки критерии, которыми бы могли руководствоваться судьи при решении вопроса о размере астрента, должны быть выработаны. Большой вклад в решение данного вопроса может внести профессиональное сообщество, говоря о наличии данной проблемы, не соглашаясь с установлением минимальных сумм, не способных стимулировать ответчика, вырабатывая свои идеи и предложения по данному вопросу, возможно донести необходимость такой регламентации. Иначе, несмотря на вполне актуальную идею побуждения ответчика к своевременному исполнению решения суда, существование оценочных категорий в нормах института астрента сделает его применение неэффективным.

Литература

1. Зубарева М.А. Проблемные вопросы правоприменения института астрента в российском праве / М.А. Зубарева // Трансформация права в информационном обществе : материалы II Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов (г. Екатеринбург, 21–22 ноября 2019 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор О.А. Пучков. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 134–140.
2. Морхат П.М. Судебная неустойка за неисполнение судебного акта: ключевые позиции Верховного суда РФ / П. М. Морхат // Российский судья. 2020. № 2. С. 9–15.
3. Набережный А.Д. Судебная неустойка. Как заставить суд взыскать максимальную сумму? / А.Д. Набережный // Юрисконсульт в строительстве. 2019. № 9. С. 51–63.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Судебное преодоление пробелов в праве через призму исторического опыта

Степанов Михаил Михайлович,
доцент кафедры государственного управления, общеправовых
и социально-гуманитарных дисциплин
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
stepanovtao@mail.ru

Автор исследует пробелы в позитивном праве, которые понимаются как полное или частичное отсутствие правовых установлений (норм), являются достаточно распространенным явлением в правовом пространстве любого государства. Одним из направлений исследования данной проблематики является изучение имеющегося отечественного опыта. В этой связи особый интерес представляют годы Гражданской войны в России, когда происходило становление советского права и советской судебной системы. Автором были сделаны следующие выводы: 1) в первые годы советской власти правовое регулирование общественных отношений отличалось значительной пробельностью. Поэтому огромное значение приобрела судебная практика в ходе которой происходило преодоление пробелов в праве. 2) Наделение судей широкими дискреционными полномочиями и соответствующим инструментарием (в первые годы советской власти это были «совесть» и «правосознание») могут позволить преодолеть пробельность отечественного права и добиться высокой степени урегулированности общественных отношений.

Ключевые слова: пробел в праве, преодоление пробела в праве, суд, революционное правосознание, советская власть, Гражданская война.

Judicial Overcoming of Legal Gaps from the Perspective of Historical Experience

Stepanov Mikhail M.
Associate Professor of the Department of Political Science,
General Legal and Socio-Humanitarian Disciplines
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The author studies the gaps in positive law, which are understood as the complete or partial absence of legal provisions (norms), are quite common in the legal space of any State. One of the directions of research of this problem is the study of the existing domestic experience. In this regard, the years of the Civil War in Russia, when the formation of Soviet law and the Soviet judicial system took place, are of particular interest. The author concluded: 1) in the first years of Soviet power, the legal regulation of public relations was characterized by a significant gap. Therefore, judicial practice, in the course of which the gap in the law was overcome, became of great importance. 2) Granting judges broad discretionary powers and appropriate tools (in the early years of Soviet power, this was "conscience" and "legal awareness") can help overcome the gaps in domestic law and achieve a high degree of regulation of public relations.

Keywords: gap in law, overcoming gap in law, court, revolutionary legal awareness, Soviet power, Civil War.

Пробел в позитивном праве, который понимается как полное или частичное отсутствие правовых установлений (норм)¹, явля-

¹ См.: Лазарев В.В. Избранные труды. В 3 т. Т. II. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010. С. 417.

ется достаточно распространенным явлением в правовом пространстве любого государства. В ходе нормотворческой деятельности невозможно предусмотреть все особенности регулирования общественных отношений, поэтому даже стабильное и хорошо

разработанное законодательство содержит в себе изъяны.

Пробелы в праве являются его существенным недостатком. Нередко их следствием становятся нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. Они снижают эффективность действия законодательства, затрудняют его применение, порождают правовую неопределенность и в конечном итоге препятствуют построению в Российской Федерации правового государства.

В настоящее время в России проблема пробельности права приобрела особую актуальность. В первую очередь это связано с широким проникновением цифровых технологий во все сферы жизни общества. Одним из последствий цифровизации стало значительное ускорение социальной динамики. Появились общественные отношения, которые должны быть, но в настоящее время не урегулированы правом. В то же время традиционное правовое регулирование не успевает отражать трансформацию общественных отношений, регламентировать их. Также необходимо отметить и роль пандемии COVID-19, которая привела к возникновению совершенно новой социальной реальности, не урегулированной законодательством, что только усугубило проблему пробельности в праве. В этой связи поиск решения проблем, связанных с выявлением пробелов в праве, их устранением и преодолением, является крайне важным в современной России.

Устранением пробелов в праве в нашей стране занимаются правотворческие органы. Однако в силу определенных причин (как объективных, например, связанных со скоростью изменения общественных отношений и отставанием соответствующей деятельности правотворческих органов, так и субъективных, например, связанных с качеством принимаемых нормативных правовых актов) полностью устранить пробелы в праве они не способны. В этой связи чрезвычайную актуальность приобретает деятельность судебных органов, результатом которой является преодоление пробелов в праве (конкретизация судом юридических норм)².

² Власенко Н.А., Залоило М.В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 54–55.

Судебное преодоление пробелов в праве, ставшее предметом настоящего исследования, в основном осуществляется путем аналогии закона и аналогии права. Аналогия закона — это решение юридического дела, в основе которого лежит пробел в праве, с помощью применения нормы права, регулирующей сходные общественные отношения. Аналогия права — это решение такого дела, исходя из общих начал и смысла законодательства. Разница между ними заключается в наличии (либо отсутствии) соответствующей правовой нормы. Если судебный орган, рассматривая дело и установив наличие пробела в праве, может найти правовую норму, регулиющую схожие отношения, в том числе в другой отрасли права, то тогда, разрешая это дело, он использует аналогию закона. Если такой нормы нет, тогда применяется аналогия права. В этом случае используются отраслевые принципы права, а если разрешить дело на их основе не представляется возможным, то применяются межотраслевые и общеправовые принципы. Использование аналогии закона и аналогии права в Российской Федерации закреплено законодательно (ст. 6 Гражданского кодекса РФ, ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 6 ст. 13 Арбитражно-процессуального кодекса РФ, ч. 6 ст. 15 Кодекса административного судопроизводства РФ и др.).

Существуют и другие средства преодоления пробелов в праве, не получившие такого широкого распространения. Например, в теории права, помимо аналогии закона и аналогии права, предлагается использовать субсидиарное применение норм права. А в судебной практике используется такой специфический способ преодоления и восполнения пробела в праве, как «приращение» нормативного материала с помощью его конституционного истолкования.

О значимости рассматриваемой проблематики говорит тот факт, что высшие судебные инстанции Российской Федерации уделяют значительное внимание вопросам выявления и преодоления пробелов в праве. Так, Конституционный Суд относит пробельность правового регулирования к дефектам нормотворчества. Под ней он понимает «формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации кон-

ституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие должного, то есть обеспечивающего эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования»³. Конституционный Суд преодолевает пробельность регулирования с помощью только ему присущего средства — посредством «приращения» нормативного материала с помощью его конституционного истолкования. Таким образом, он может осуществлять временное регулирование общественных отношений, то есть не только преодолеть, но и восполнить пробел в праве до момента его окончательного урегулирования законодателем (устранения пробела в праве). Кроме того, Конституционным Судом выработаны правовые позиции, определяющие способы преодоления пробельности в процессе подзаконного нормотворчества и правоприменительной деятельности: прямое применение конституционных норм; применение аналогии закона; прямое применение норм международно-правовых актов; «указное» нормотворчество.

Верховный Суд Российской Федерации также принимает активное участие в выявлении и преодолении (восполнении) пробелов в праве. Для этого он обладает особым полномочием по даче судам разъяснений по вопросам судебной практики⁴. В ходе этой деятельности Верховный Суд анализирует судебную практику и выявляет вопросы, по которым в нижестоящих судах отсутствует единство (нередко это связано с наличием пробела в праве). По этим вопросам он принимает постановления о порядке применения отдельных норм законодательства и обзоры судебной практики. В них содержатся выводы, позволяющие определить сущность спорных правоотношений, а также их решение. Разъяснения Верховного Суда

по вопросам судебной практики являются обязательными для нижестоящих судов. В случае, если отсутствие единообразия судебной практики вызвано пробелом в законодательстве, то выводы Верховного Суда позволяют его преодолеть (восполнить).

На основании вышеизложенного необходимо констатировать, что проблема судебного преодоления пробелов в праве имеет несомненную значимость для юридической теории и практики. Одним из направлений исследования данной тематики является изучение имеющегося отечественного опыта. В этой связи особый интерес представляют первые годы советской власти, когда происходило становление советского права и советской судебной системы⁵.

В результате Октябрьской революции 1917 года к власти пришли представители класса трудящихся, которые начали создавать новую правовую реальность. Ее особенностями стали неоднозначное отношение не только к дореволюционному законодательству, но и к праву вообще. Вопрос о возможности применения «законов свергнутых правительств» решался по-разному, от разрешения их применения до полного запрещения. Отношение к праву также динамично менялось. Первоначально оно отрицалось, как пережиток буржуазного строя, и подлежало уничтожению. Например, советский государственный деятель, юрист, создатель Гражданского кодекса РСФСР 1922 года А.Г. Гойхбарг писал, что «религия и право — идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. И если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то в еще гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»⁶. Однако в последующем важность и ценность права для нового государственного строя была признана, и началось его активное создание.

³ Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016).

⁴ П. 1 ч. 7. ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁵ Степанов М.М., Маручек А.А. Судебно-следственные органы России в годы гражданской войны: учебное пособие. Омск, 2007.

⁶ Гойхбарг А. Несколько замечаний о праве // Советское государство и право. 1924. № 1. С. 3.

Советское право обладало рядом особенностей, которые оказали значительное влияние на деятельность судебных органов РСФСР. Оно изначально формировалось как классовое, как инструмент в руках государства по строительству в России новой общественно-экономической формации. Другой особенностью советского права являлась его дискретность, что было обусловлено ситуативностью и бессистемностью принимаемых правовых норм. Таким образом, советское право обладало значительной степенью пробельности, преодолевать которую при отправлении правосудия предстояло советским судам.

После Октябрьской революции 1917 года Советы, как органы власти, стали повсеместно создавать новые суды. Назывались они по-разному: революционные народные суды, следственные комиссии (с функциями суда), суды общественной совести, крестьянские суды и др. Советское право в это время еще только начинало создаваться. Поэтому суды рассматривали дела, руководствуясь дореволюционным законодательством и революционным правосознанием, под которым понималось сознание классового интереса⁷. В случае, если «законы свергнутых правительств» не регулировали сложившуюся ситуацию или не могли быть применены, возникал пробел в праве, который преодолевался с помощью революционного правосознания.

Учитывая важность надлежащего отправления правосудия для установления нового правопорядка, уже 24 ноября 1917 года был принят первый советский законодательный акт о суде — Декрет «О суде» (Декрет о суде № 1)⁸. Декрет закрепил сложившуюся ситуацию. Местные суды, созданные на основании Декрета, рассматривали дела, руководствуясь дореволюционным законодательством, декретами ВЦИК и СНК, программами РСДРП и партии эсеров, революционной совестью и революционным правосознанием. В случае, если рассматриваемая судом ситуация не была урегулирована «законами свергнутых правительств» и немногочисленными декретами Советской власти, возникал пробел в праве, который преодолевался с

помощью революционной совести и революционного правосознания.

В марте 1918 года был принят Декрет о суде № 2⁹. Декрет предписывал судам в первую очередь руководствоваться имеющимся законодательством — дореволюционными нормативными правовыми актами (гражданскими и уголовными законами, Судебными уставами 1864 года), а также декретами ЦИК и СНК. Однако если дореволюционное законодательство противоречило правосознанию трудящихся классов, то использовать его было нельзя. При этом в судебных постановлениях должны были указываться мотивы отмены судом старых законов. Возникающие пробелы в праве суды должны были преодолевать с помощью социалистического правосознания и «соображений справедливости». Таким образом, почти четырехмесячный период проведения эксперимента в сфере судопроизводства по замене правовых норм революционным правосознанием завершился. Было принято решение о необходимости использования при разрешении дел имеющегося законодательства.

В июле 1918 г. был издан очередной законодательный акт о суде — Декрет о суде № 3¹⁰. Он обязал суды при разрешении дел руководствоваться только декретами советской власти. Об использовании дореволюционного законодательства в Декрете ничего не говорилось, таким образом, его применение было ограничено. Учитывая дискретность нового законодательства, Декрет создал ситуацию наличия множественной пробельности в праве. Преодолевать ее предполагалось с помощью социалистической совести.

30 ноября 1918 года, через год после принятия Декрета о суде № 1, было принято Положение о народном суде РСФСР¹¹. Оно закрепило обязанность судов разрешать дела на основании только советского права, а также прямо запретило использование дореволюционного законодательства. Пробелы в праве предлагалось преодолевать, используя социалистическое правосознание. Интересно

⁹ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

¹⁰ Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

¹¹ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁷ Стучка П.И. Пролетарское право // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 309.

⁸ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

отметить, что сами разработчики Положения в его тексте отметили наличие проблемы пробельности советского законодательства. В нем было указано, что «в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового» следовало руководствоваться социалистическим правосознанием.

Наконец, в октябре 1920 года было принято новое Положение о народном суде¹². Оно также закрепило обязанность суда осуществлять правосудие на основе только советского законодательства, «а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового» рассматривать дела, руководствуясь социалистическим правосознанием. Ссылка в судебных постановлениях на дореволюционное законодательство была запрещена. Таким образом, новое Положение, как и предыдущее, признавало проблему пробельности в праве и предлагало ее решение путем использования социалистического правосознания.

Подводя итог, необходимо отметить, что в годы Гражданской войны правовое

¹² Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

регулирование общественных отношений отличалось значительной пробельностью. Несмотря на активную правотворческую деятельность государственных органов, создать новое право и устранить имеющиеся в нем пробелы в течение первых лет советской власти было невозможно. Поэтому огромное значение приобрела судебная практика, в ходе которой происходило преодоление пробельности в праве. Советские суды в это время обладали широкими дискреционными полномочиями, которые позволяли им разрешать дела в отсутствие необходимых правовых норм, используя революционную (социалистическую) совесть, революционное (социалистическое) правосознание, а также правосознание трудящихся.

Опыт деятельности советских судов в годы Гражданской войны позволяет сделать вывод, что судебная практика может быть достаточно эффективным способом преодоления пробелов в праве. Наделение судей широкими дискреционными полномочиями и соответствующим инструментарием (в первые годы советской власти это были «совесть» и «правосознание») может позволить преодолеть пробельность отечественного права и добиться высокого качества регулирования общественных отношений.

Литература

1. Власенко Н.А. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики / Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57.
2. Гойхбарг А. Несколько замечаний о праве / А. Гойхбарг // Советское государство и право. 1924. № 1. С. 3–24.
3. Лазарев В.В. Избранные труды. В 3 томах. Т. 2. Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / В.В. Лазарев. Москва : Новая юстиция, 2010. 504 с.
4. Степанов М.М. Судебно-следственные органы России в годы гражданской войны : учебное пособие / М.М. Степанов, А.А. Маручек. Омск : Омская академия МВД России, 2007. 108 с.
5. Стучка П.И. Пролетарское право // Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П.И. Стучка ; составитель Г.Я. Клява. Рига : Латвийское государственное изд-во, 1964. 748 с.

Видеообзоры, интервью с известными юристами,
знакомство с актуальными публикациями, репортажи —
всё это на нашем официальном канале

YouTube / «Издательская группа «Юрист»

ЗАХОДИТЕ, СМОТРИТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Реформирование суда присяжных заседателей в России в рамках расширения его подсудности, изменения численного состава и реализации прав граждан на участие в отправлении правосудия: вопросы теории и практики

Ильяхов Алексей Александрович,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса
Смоленского государственного университета,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Саратовской государственной юридической академии (Смоленский филиал),
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции в отставке
alexsmo1672019@eandex.ru

В статье анализируется научная полемика относительно расширения в рамках судебной реформы подсудности суда присяжных заседателей на районные (городские) и приравненные к ним суды. Делается вывод, что следует не в количественном выражении увеличить уголовные дела, подсудные данному суду, а уделить внимание тем из них, по которым присяжные заседатели могут качественно отправлять правосудие. В целом расширение подсудности суда присяжных заседателей позволило отдельным категориям граждан реализовать конституционное право на выбор суда и права на участие в отправлении правосудия. Уменьшение числа присяжных заседателей сократит время его формирования и уменьшит материальные издержки на выплату присяжным заседателям вознаграждения, упрощает процедуру подсчета голосов.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных заседателей, реформирование суда присяжных заседателей.

Reformation of the Jury Trial in Russia within the Framework of Broadening of Its Jurisdiction, Personnel Change, and Enforcement of the Rights of Citizens to Take Part in the Exercising of Justice: Issues of Theory and Practice

Ilyukhov Aleksey A.
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure
of the Smolensk State University
Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Saratov State Law Academy (Smolensk Branch)
PhD (Law), Associate Professor, Retired Colonel of Justice

The article analyzes the scientific discussion on broadening of the jurisdiction of the jury trial to cover district (city) and equivalent courts within the framework of the judicial reform. The author concludes that instead of increasing the number of criminal cases falling under the jurisdiction of the jury trial, attention should be paid to those cases where jury members can exercise justice in a high-quality way. In general, broadening of the jurisdiction of the jury trial has enabled some categories of citizens to enforce their constitutional right to select a court and the right to take part in the exercising of justice. A decrease in the number of jury members will shorten the time for organizing the jury trial, decrease expenses for payment of remuneration to jury members and simplify the vote calculation procedure.

Keywords: criminal procedure, jury trial, reformation of the jury trial.

В рамках реализации законодательных инициатив совершенствования судебной системы в последние годы велась активная полемика о расширении перечня преступлений, могущих в силу закона быть рассмотренными судом присяжных заседателей, и самой подсудности по указанной форме отправления правосудия и сокращения численности коллегии присяжных заседателей.

Особенно активная полемика велась по вопросу подсудности уголовных дел данной категории в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, беременных женщин и мужчин пенсионного возраста, поскольку уголовно-процессуальный закон внес ограничения в отношении указанной категории граждан.

Такое законодательное предписание вызвало неоднозначную реакцию в научной среде, притом что и ст. 19 Конституции Российской Федерации предусматривает прямой запрет на любые формы дискриминации, что также касается и реализации права на выбор суда и права на участие в отправлении правосудия. Это стало поводом обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации на несоответствие п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ Конституции Российской Федерации и ограничение ею указанных выше прав граждан. Конституционный Суд Российской Федерации, формируя свое решение на Международных актах¹, признал доводы обоснованными и положения п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ противоречащими Конституции Российской Федерации². При этом расширение подсудно-

сти дел с участием присяжных заседателей на районные (городские) суды законодательные ограничения по половому признаку отчасти сняло, предоставив право женщинам на рассмотрение их дел в указанных судах, но по тем делам, по которым не предусмотрено пожизненное лишение свободы.

В то же время пункт 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, запрещающий рассмотрение присяжными заседателями преступления, совершенные лицами до восемнадцатилетнего возраста, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П признал законным и обоснованным. Этот запрет призван обеспечить баланс его интересов, так как указанная форма отправления правосудия не гарантирует полную защиту интересов несовершеннолетнего. Баланс интересов соблюдается также и в отношении совершеннолетнего, поскольку тот также не может быть лишен конституционного права на выбор формы отправления правосудия. Так, если им заявлено ходатайство о рассмотрении судом присяжных заседателей его уголовного дела, по которому наряду с ним проходит несовершеннолетний подсудимый, а выделение уголовного дела в отношении него препятствует всесторонности и объективности процесса, то дело подлежит рассмотрению присяжными заседателями³. Тем самым законодатель вариант реализации несовершеннолетним права на рассмотрение его уголовного дела судом присяжных заседателей при указанном обстоятельстве не исключил.

Что касается решения вопроса сокращения или расширения подсудности суда присяжных заседателей, законодатель с учетом своего предыдущего опыта, приведшего к правовому анализу с позиции его конститу-

¹ Ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (принят резолюцией 54/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 06.10.1999) // СПС «Гарант».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1476; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова» // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru>; Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru>

³ П. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СЗ РФ. 2019. № 21. Ст. 2318.

ционности⁴, изменил вектор реформирования суда присяжных заседателей в сторону расширения подсудности, что вызвало неоднозначную реакцию у ученых-процессуалистов и практикующих юристов, поскольку категория отнесенных к ним преступлений стала варьироваться от средней степени тяжести до особо тяжких преступлений. В этой связи требуются серьезные юридические познания, умения установить причинную связь совершенного преступления и наступившего от него последствия, в том числе и познаний в определенных областях деятельности человека⁵.

К примеру, разработчики законопроекта к преступлениям, подсудным суду присяжных заседателей, отнесли такие из них, как «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов, повлекших по неосторожности смерть двух или более лиц» (ч. 3 ст. 269 УК РФ); «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» (часть 2 и 3 ст. 303 УК РФ); «Вынесение заведомо неправосудного решения» (ст. 305 УК РФ); «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» (ст. 277 УК РФ) и др.

Причем такие преступления, как «Государственная измена» (ст. 275 УК РФ) и «Шпионаж» (ст. 276 УК РФ), к подсудности суда присяжных заседателей относить не следует, так как те связаны с государственной тайной и гарантии разглашения ее со стороны присяжных заседателей как до, так и после судебного разбирательства нет. Ограничить же их в исследовании такого рода сведений при

рассмотрении дел данной категории не всегда целесообразно, так как они могут входить в предмет исследования.

Представляется, что идея расширения подсудности суда присяжных заседателей на районные (городские) суды логична и обоснованна, но без расширения самого перечня преступлений. Присяжными заседателями следует рассматривать ограниченный перечень преступлений, таких как преступления против жизни (ст. 105 УК РФ) и здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Об указанных выше преступлениях речи быть не может, так как они сложны в доказывании и маловероятно, что присяжные заседатели могут всесторонне и объективно исследовать обстоятельства, входящие в предмет их исследования.

Разрешить научный спор относительно расширения перечня уголовных дел, подсудных суду присяжных заседателей, можно, обратившись к опыту Республики Южная Корея, где к подсудности суда присяжных заседателей отнесен ограниченный перечень уголовных дел, к которым относятся только такие тяжкие преступления, как убийство, изнасилование, разбой, получение взятки, а также похищение человека⁶.

Однако дискуссия расширения подсудности суда присяжных заседателей не утихает из-за целесообразности этого, так как потребуются значительные материальные затраты, да и нагрузка на суды увеличится, что не лучшим образом скажется на качестве отправления правосудия⁷, но стоит ли это того, ведь усложненный порядок судопроизводства по делам, не представляющим значительной общественной опасности, это «стрельба из пушки по воробьям»⁸.

Представляется, что проблемы финансирования судов районного звена носят временный характер, компенсируясь повышением качества уголовного судопроизводства дел указанной категории и обеспечением доступа граждан к осуществлению правосудия, разумных сроков уголовного судопроизводства, посредством приближения правосудия к месту совершения преступления и проживания участников процесса. А чтобы максимально

⁴ Так, в особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г. Ярославцева по делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ было указано, что факт сокращения подсудности суда присяжных заседателей является произвольным и необоснованным (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части 2 статьи 30 и части 2 статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

⁵ Венев Д.А. Подсудность суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России — вопросы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 50—52; Владыкина Т.А. Методологические основания производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 56; Дудко Н.А. Критерии подсудности уголовных дел суду присяжных // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6. С. 39—42; Гриненко А.В. К вопросу о расширении компетенции суда с участием присяжных заседателей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2.

⁶ Dong Woon Shin. The Discovery of Criminal Evidence in South Korea // Journal of Korean Law. 2014. Vol. 13. P. 219—231.

⁷ Гурская С.Н. Критерии формирования перечня составов преступлений, подсудных суду, с участием присяжных заседателей // Российский судья. 2016. № 2. С. 15; Пашин С.А. Аргументы за суд присяжных // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 21; Фомин Д.А. К концу года системы видеозаписи судебных заседаний будут работать в 200 залах судов Москвы // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 24.

⁸ Решетова Н.Ю. Участие граждан в отпращивании правосудия: суд присяжных и другие возможности // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 24.

быстро пройти этап становления, необходимо обратиться к опыту деятельности судов присяжных заседателей в областных и приравненных к ним судах, поскольку и там были проблемы аналогичного характера, но они были решены, и в настоящее время судебные заседания проводятся в современных, технически оборудованных помещениях, а сами судьи имеют соответствующий опыт разбирательства в суде по указанной категории уголовных дел.

Также в рамках реформирования суда присяжных заседателей сокращен и численный состав коллегии присяжных заседателей, где в районных и гарнизонных судах коллегия присяжных заседателей состоит из 6 человек и для ее формирования достаточно 12 кандидатов. В вышестоящем суде коллегия присяжных заседателей состоит из 8 человек при не менее 14 кандидатах. Сторонники этих преобразований полагают, что прежний состав коллегии присяжных заседателей увеличивает затраты государства, а также усложняет процедуру формирования коллегии присяжных заседателей и подсчета голосов. В этой связи уменьшение численного состава присяжных заседателей сократит материальные затраты⁹, улучшит их «управляемость»¹⁰, причем был заимствован и зарубежный опыт, в частности, Южной Кореи¹¹.

Сторонники классической модели суда присяжных заседателей против таких изменений, поскольку утрачивается его правовая основа, само же расширение подсудности суда присяжных заседателей на суды районного (городского) звена, все еще требует серьезного научного обоснования¹².

⁹ Давыдов В.А. Мы предлагаем существенно расширить участие граждан в отправлении правосудия // Уголовный процесс. 2015. № 3. С. 16; Демичев А.А. К вопросу о численности коллегии присяжных заседателей // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101; Ильюхов А.А. Механизм реализации теоретико-правовых основ судебного разбирательства по делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей в рамках российского и международного законодательства: проблемы и перспективы развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 1.

¹⁰ Майерес Д. Социальная психология. СПб., 1997.

¹¹ Реховский А.Ф. Рождение суда присяжных в Республике Корея // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1.

¹² Бабкин А.И. Реформирование судебной системы не завершено. Совершенствование судопроизводства // Российский судья. 2016. № 4. С. 8; Демичев А.А. К вопросу о численности коллегии присяжных заседателей // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 37; Ильюхов А.А. Механизм реализации теоретико-правовых основ судебного разбирательства по делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей в рамках россий-

Другие авторы не столь категоричны в оценках, предлагая сохранить ныне существующую подсудность на уровне областных и приравненных к ним судов, но ограничить численный состав присяжных заседателей с 12 до 7 человек, но с тем условием, что судья с присяжными заседателями примет участие в разрешении сформированных присяжным заседателям вопросов¹³. Другие считают, что численный состав должен быть сокращен на районном уровне вдвое, да и количество уголовных дел должно быть сокращено¹⁴.

К примеру, в США численный состав коллегии присяжных заседателей колеблется от 6 до 12 человек, относительно штата, где он функционирует, и характера рассматриваемого в нем уголовного дела¹⁵. Во Франции — девять человек и трое профессиональных судей, совместно выносящих вердикт, в Бельгии — двенадцать присяжных заседателей и трое судей, в Южной Корее состав присяжных заседателей определяется по категории преступления, где в случае пожизненного лишения свободы количество присяжных заседателей составляет 9 человек, в остальных случаях — 7 человек, а если подсудимый согласен с предъявленным ему обвинением — 5 человек¹⁶.

Таким образом, за рубежом численный состав присяжных заседателей не однороден и устанавливается с учетом практической целесообразности и категории дел. Сокращенный же состав присяжных заседателей упрощает и сокращает по времени процедуру отбора и формирования, а также расходы по выплате присяжным заседателям вознаграждения.

В целом законодательное реформирование суда присяжных заседателей путем формирования в районных (городских) судах выводит указанную форму отправления правосудия на иной качественный уровень, организовывая следственные и судебные органы на качественную работу.

ского и международного законодательства: проблемы и перспективы развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 1. С. 16.

¹³ Давыдов В.А. Мы предлагаем существенно расширить участие граждан в отправлении правосудия // Уголовный процесс. 2015. № 3.

¹⁴ Фомин Д.А. К концу года системы видеозаписи судебных заседаний будут работать в 200 залах судов Москвы // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 23.

¹⁵ Коломенская С.А. Состав и численность коллегии присяжных заседателей в США // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 68.

¹⁶ Реховский А.Ф. Рождение суда присяжных заседателей в Республике Корея // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 197.

Литература

1. Бабкин А.И. Производство в судах присяжных заседателей // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
2. Венин Д.А. Проблемы формирования суда присяжных в Республике Корея // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1.
3. Владыкина Т. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
4. Гурская С.Н. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
5. Давыдов В.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
6. Демичев А.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
7. Дудко Н.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
8. Ильюхов А.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
9. Майерес Д. Суд присяжных заседателей в Южной Корее // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
10. Пашин С.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
11. Реховский А.Ф. Суд присяжных заседателей в Южной Корее // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1.
12. Решетова Н.Н. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.
13. Фомин Д.А. Суд присяжных заседателей в России // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 101.

References

15. Dong Woon S. The Role of Lay Judges in the Criminal Justice System // Journal of Korean Law. 2014. № 48. С. 1-20.

DOI: 10.18572/2072-3636-

Част
ЛИКВИ

В статье а
конопроект об
роль и социал
ность полного
ческого прекра
В свою очередь
товых преступл
соглашаясь с д
нормативной р
казывания; не
лению, а также
преступные де
Ключевы
публичное об

Литература

1. Бабкин А.И. Реформирование судебной системы не завершено. Совершенствование судопроизводства / А.И. Бабкин // *Российский судья*. 2016. № 4. С. 3–6.
2. Венев Д.А. Подсудность суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России — вопросы и перспективы / Д.А. Венев // *Российская юстиция*. 2016. № 10. С. 50–52.
3. Владыкина Т.А. Методологические основания производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : монография / Т.А. Владыкина. Москва : Юрлитинформ, 2016. 247 с.
4. Гурская С.Н. Критерии формирования перечня составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей / С.Н. Гурская // *Российский судья*. 2016. № 2. С. 21–25.
5. Давыдов В.А. Мы предлагаем существенно расширить участие граждан в отправлении правосудия / В.А. Давыдов // *Уголовный процесс*. 2015. № 5 (125). С. 14–21.
6. Демичев А.А. К вопросу о численности коллегии присяжных заседателей / А.А. Демичев // *Уголовное судопроизводство*. 2016. № 3. С. 16–19.
7. Дудко Н.А. Критерии подсудности уголовных дел суду присяжных / Н.А. Дудко // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 6 (98). С. 39–42.
8. Ильюхов А.А. Механизм реализации теоретико-правовых основ судебного разбирательства по делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей в рамках российского и международного законодательства: проблемы и перспективы развития / А.А. Ильюхов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2014. № 1. С. 3–6.
9. Майерес Д. Социальная психология : учебник / Д. Майерес. Санкт-Петербург : Питер, 1997. 688 с.
10. Пашин С.А. Аргументы за суд присяжных / С.А. Пашин // *Уголовный процесс*. 2015. № 4 (124). С. 40–45.
11. Реховский А.Ф. Рождение суда присяжных в Республике Корея / А.Ф. Реховский // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 1. С. 195–200.
12. Решетова Н.Ю. Участие граждан в отправлении правосудия: суд присяжных и другие возможности / Н.Ю. Решетова // *Уголовный процесс*. 2015. № 4 (124). С. 22–29.
13. Фомин Д.А. К концу года системы видеозаписи судебных заседаний будут работать в 200 залах судов Москвы / Д.А. Фомин // *Уголовный процесс*. 2016. № 5 (137). С. 18–29.

References

15. Dong Woon Shin. The Discovery of Criminal Evidence in South Korea / Dong Woon Shin // *Journal of Korean Law*. 2014. Vol. 13. P. 219–231.

DOI: 10.18572/2072-3636-2021-3-49-52

Частное обвинение: необходимость ликвидации или совершенствования?

Титов Павел Михайлович,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
titov1995@yandex.ru

В статье анализируется внесенный Верховным Судом Российской Федерации законопроект об упразднении частного обвинения. Показывается важная положительная роль и социальная значимость частного обвинения, аргументируется преждевременность полного отказа от него, поскольку такой отказ повлечет ликвидацию автоматического прекращения уголовного дела за примирением потерпевшего с обвиняемым. В свою очередь, это вызовет резкий рост судимостей за совершение незначительных бытовых преступлений, что нежелательно в социальном аспекте. Вместе с тем, во многом соглашаясь с доводами Верховного Суда, автор предлагает способы совершенствования нормативной регламентации частного обвинения, направленные на оптимизацию доказывания: необходимость проведения органом дознания проверки по каждому заявлению, а также составления по ее результатам документа, в котором фиксировались бы преступные действия виновного и приводилась их юридическая квалификация.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, частное обвинение, частно-публичное обвинение, примирение сторон, прекращение уголовного дела.

Private Prosecution: The Need to Liquidate or Improve?

Titov Pavel M.

Junior Scientific Assistant of the Department of Criminal Procedure
of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article analyzes the bill introduced by the Supreme Court of the Russian Federation on the abolition of private prosecution. The important positive role and social significance of the private prosecution is shown, the premature rejection of it is argued, since such a refusal will entail the elimination of the automatic termination of the criminal case for reconciliation of the victim with the accused. In turn, this will cause a sharp increase in convictions for minor domestic crimes, which is undesirable in the social aspect. However, in many ways agreeing with the arguments of the Supreme Court, the author proposes ways to improve the regulatory regulation of the private prosecution, aimed at optimizing evidence: the need for the investigative body to conduct an audit for each application, as well as the preparation of a document based on its results that would record the criminal actions of the perpetrator and give their legal qualification.

Keywords: criminal proceedings, private prosecution, private-public prosecution, reconciliation of the parties, dismissal of the criminal case.

Действующий уголовно-процессуальный закон закрепляет в целом публичный порядок уголовного судопроизводства. Вместе с тем в порядке исключения из общего правила УПК РФ предусматривает так называемое частное обвинение. По трем составам преступлений (ч. 1 ст. 115, ст. 116¹, ч. 1 ст. 128¹ УК РФ) возбуждение уголовного дела допускается исключительно по заявлению потерпевшего. Кроме того, существенно меняется сам механизм возбуждения дела и последующего судопроизводства. Заявление о преступлении, по общему правилу, подается не в органы предварительного расследования, а в суд (точнее — мировому судье). После проверки всех требований к заявлению мировой судья выносит решение о принятии заявления к производству, что приравнивается к возбуждению уголовного дела (притом что в данном решении отсутствует выражение «возбудить уголовное дело»). Потерпевший приобретает по делу статус частного обвинителя, синтезирующий процессуальные полномочия потерпевшего и отчасти государственного обвинителя¹. Собрание основного массива доказательств осуществляется частным обвинителем², мировой судья, не переходя на позиции сторон, вправе оказывать им содействие в получении доказательств.

¹ См.: Благинина Ю.Н. Некоторые вопросы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 399.

² См.: Погодин С.Б. Проблемы правовой регламентации доказывания по делам частного обвинения // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Ц.М. Каз / редколлегия: Ю.В. Францифоров [и др.]. Саратов, 2020. С. 115–117.

Роль постановления о привлечении в качестве обвиняемого и одновременно обвинительного акта выполняет заявление потерпевшего, его содержанием определяются объем и пределы обвинения (как по кругу обвиняемых, так и по объему инкриминируемых им фактических обстоятельств).

В уголовно-процессуальном законодательстве советского периода применялись схожие нормативные конструкции. Так, УПК РСФСР 1960 года относил к частному обвинению три состава преступлений (умышленное причинение легкого вреда здоровью, клевета, оскорбление) и предусматривал, что уголовное дело по этим деяниям возбуждается только по жалобе потерпевшего (несмотря на терминологическую разницу, под «жалобой» по смыслу закона понималось именно заявление потерпевшего), причем возбуждение дела производилось судом (ч. 1 ст. 27, ч. 5 ст. 109 УПК РСФСР).

Нельзя не заметить, что по вопросам нормативной регламентации частного положения УПК РФ представляют собой развитие и совершенствование тенденции, заложенной УПК РСФСР 1960 года. Оставив возбуждение уголовного дела в компетенции суда, а не органа предварительного расследования, УПК РФ существенно детализировал и конкретизировал соответствующий порядок. Возникновение такого участника уголовного судопроизводства, как частный обвинитель, наделение его правами по собиранию доказательств, а мирового судьи — по оказанию содействия в этом является прямым логическим продолжением того подхода к частному обвинению, который существовал в УПК РСФСР.

Несмотря на то что в общем массиве преступности количество деяний, дела о которых разрешаются в порядке частного обвинения, весьма невелико, частное обвинение выполняет

в уголовном судопроизводстве специфическую роль, выступая прежде всего средством профилактики других, более тяжких преступлений. Небезосновательно считается, что сам факт привлечения виновного к уголовной ответственности, «погружение» его в соответствующую деятельность оказывает на лицо существенное воспитательное воздействие и мотивирует отказаться от совершения в будущем сходных по объекту и объективной стороне преступлений. При этом судопроизводство по делам частного обвинения направлено в первую очередь не на осуждение виновного, а на достижение примирения потерпевшего с обвиняемым и прекращение уголовного преследования. В силу такого исхода применение данного порядка уголовно-процессуальной деятельности не влечет роста судимостей и уголовных наказаний, что весьма важно в социальном аспекте.

Вместе с тем существование частного обвинения в последнее время поставлено под сомнение, причем на очень высоком уровне. Верховным Судом Российской Федерации в порядке законодательной инициативы внесен в Государственную Думу законопроект, предлагающий, в принципе, отказаться от частного обвинения с переводом соответствующих составов преступлений в категорию дел частного публичного обвинения³.

Выступая на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации по подведению итогов деятельности в 2020 году, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, обосновывая необходимость упразднения частного обвинения, указал на сложность собирания доказательств частным обвинителем в силу отсутствия у него государственно-властных полномочий, а часто и юридического образования, наличия элементов зависимости от виновного⁴. Безусловно, такие аргументы, особенно с учетом того, что они высказаны руководителем высшего судебного органа государства, заслуживают самого пристального внимания.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3 «О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 1161, частью первой статьи 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ См.: Вячеслав Лебедев провел итоговое совещание с судьями России // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/29655/ (дата обращения: 04.05.2021).

Вместе с тем полная ликвидация частного обвинения представляется излишне радикальной мерой. Перевод всех составов преступлений, в настоящее время относящихся к частному обвинению, в категорию частного-публичного преследования, вызовет главное последствие — невозможность автоматического прекращения уголовного дела в силу достижения примирения между потерпевшим и обвиняемым.

Во-первых, возбуждая уголовное дело, орган предварительного расследования включает его в свои статистические показатели. Прекращение дела после производства следственных действий расценивается как бесполезная потеря времени и сил, выступает негативным индикатором ведомственной отчетности. В силу этого сотрудники правоприменительных органов, к которым по каким-либо причинам поступает заявление потерпевшего, содержащее сведения о совершении преступления, относящегося к частному обвинению, зачастую уговаривают заявителя указать на факты, якобы подтверждающие его беспомощность или зависимость от виновного. Очень часто такие обстоятельства откровенно надуманны. Можно понять дознавателя или следователя, осуществляющего свою деятельность в системе ведомственных координат, однако нельзя не заметить, что в результате этой гонки за цифрами принимаются решения, явно не соответствующие социальному предназначению частного обвинения.

Во-вторых, по делам частного-публичного обвинения остается возможность прекращения дела только в порядке ст. 25 УПК РФ, однако этот порядок весьма существенно отличается от того, что в настоящее время установлен для частного обвинения. Прекращение уголовного преследования согласно ст. 25 УПК РФ требует ряда дополнительных условий, в частности, полного возмещения причиненного преступлением вреда и совершением деяния впервые. Вместе с тем преступления, отнесенные к частному обвинению, имеют ярко выраженный бытовой характер, и именно поэтому примирение по таким деяниям не требует выполнения названных условий. Суд должен лишь убедиться в невынужденном и добровольном характере заявления потерпевшего о примирении и, если это так, принять решение о прекращении дела. При этом не имеет значения, что обвиняемый совершал ранее какие-либо преступления и не возместил ущерб от своего деяния.

Обязательность прекращения уголовного дела в силу достижения примирения между потерпевшим и обвиняемым является крайней содержательной особенностью частного обвинения. Как было указано, именно это примирение, не ставящееся в зависимость

от дополнительных условий, придает судопроизводству по делам частного обвинения ярко выраженный превентивный характер, позволяя разрешить уголовно-правовой конфликт без осуждения виновного и без назначения ему уголовного наказания. Такой подход применительно к бытовым преступлениям выглядит абсолютно оправданным. Резкий рост судимостей среди лиц, совершивших деяния такого рода, который неизбежно произойдет в результате отмены обязательного прекращения уголовного дела, по своим отрицательным социальным последствиям намного превышает пользу от увеличения количественных показателей раскрываемости.

Вместе с тем нельзя не заметить, что собиране доказательств частным обвинителем, не обладающим государственно-властными полномочиями, действительно крайне затруднительно. Однако наиболее целесообразным представляется своего рода компромиссный вариант: сохранение частного обвинения, подача заявления непосредственно в суд, но проведение по каждому заявлению предварительной проверки органом дознания. Можно предложить следующую принципиальную модель уголовного судопроизводства по делам частного обвинения. Заявление подается потерпевшим мировому судье, который из беседы с потерпевшим выявляет наличие или отсутствие беспомощности заявителя или его зависимости от виновного. Установив наличие данных обстоятельств, мировой судья направляет заявление в орган дознания для возбуждения уголовного дела в публичном порядке. Убедившись в отсутствии беспомощности заявителя или зависимости от виновного, мировой судья направляет заявления в орган дознания для проведения проверки: установления круга свидетелей, получения объяснений от заявителя, очевидцев, потенциального обвинителя, назначения судебных экспертиз, истребования документов. Выполнив эти действия, орган дознания, не возбуждая уголовное дело, направляет собранный материал мировому судье.

Можно предусмотреть составление органом дознания определенного итогового документа, наподобие протокола о преступлении,

который имел место в рамках протокольной формы досудебной подготовки материалов. В этом протоколе содержалась бы своего рода формулировка обвинения, то есть четкий объем фактических действий, совершенных лицом, в отношении которого подано заявление, и их юридическая квалификация.

Вместе с тем поддержание обвинения в судебном заседании следует возложить на частного обвинителя. По сути, с учетом сформулированных предложений, поддержание обвинения сведется только к желанию или нежеланию данного лица привлечь обвиняемого к уголовной ответственности за деяние, указанное в акте органа дознания. Это не составит значительной трудности для частного обвинителя даже с учетом отсутствия у него властных полномочий и специальных юридических знаний.

Представляется, что в результате подобных корректировок законодательства удастся сохранить несомненные достоинства частного обвинения и одновременно с этим облегчить потерпевшему реализацию права на доступ к правосудию.

Кроме того, следует согласиться с высказанным в науке мнением о целесообразности исключения из перечня преступлений, рассматриваемых в порядке частного обвинения, деяний с административной преюдицией. В настоящий момент отнесение к частному обвинению ст. 116¹ УК РФ создало трудноразрешимую коллизию, поскольку рассмотрение этого преступления подсудно федеральному районному суду, в то время как нормы УПК РФ, регулирующие подачу и прием заявлений, адаптированы исключительно под мировых судей. Кроме того, дело с административной преюдицией обязательно предполагает оценку правильности судебного решения о привлечении лица к административной ответственности, что явно выходит за пределы компетенции и организационных возможностей частного обвинителя⁵.

⁵ См.: Стельмах В.Ю. Преступления с административной преюдицией не должны относиться к делам частного обвинения // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 64–66.

Литература

1. Благинина Ю.Н. Некоторые вопросы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / Ю.Н. Благинина // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 395–406.
2. Погодин С.Б. Проблемы правовой регламентации доказывания по делам частного обвинения / С.Б. Погодин // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Циля Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Ю.В. Францифоров. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 115–117.
3. Стельмах В.Ю. Преступления с административной преюдицией не должны относиться к делам частного обвинения / В.Ю. Стельмах // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 64–66.

Основания прекращения судом второй инстанции производства по жалобам на постановления (решения) судов первой инстанции по делам об административных правонарушениях

Нестеров Владимир Михайлович,
помощник судьи Московского областного суда,
кандидат юридических наук
Vladimir-Nesterov@mail.ru

В статье рассматриваются основания прекращения судом второй инстанции производства по жалобам на постановления (решения) судов первой инстанции по делам об административных правонарушениях, раскрываются требования, предъявляемые к содержанию жалоб. Обращается внимание на необходимость соблюдения срока на подачу жалобы, на полномочия лица, подписавшего жалобу, и необходимость надлежащего заверения копий, представляемых для подтверждения полномочий.

Ключевые слова: жалоба на постановление по делу об административном правонарушении, срок подачи жалобы по делам об административных правонарушениях, удостоверение полномочий на обжалование постановлений по делам об административных правонарушениях, ненадлежащее удостоверение копии документа, подтверждающего полномочия.

Grounds for Termination of Proceedings based on Appeals against Rulings (Judgments) of First Instance Courts in Administrative Offense Cases by a Second Instance Court

Nesterov Vladimir M.
Assistant Judge of the Moscow Regional Court
PhD (Law)

The article discusses the grounds for termination by the court of second instance of proceedings on complaints against decisions (decisions) of the courts of first instance in cases of administrative offenses, reveals the requirements for the content of complaints. Attention is drawn to the need to comply with the deadline for filing a complaint, the authority of the person who signed the complaint and the need for proper certification of copies submitted to confirm the authority.

Keywords: complaint against the decision in the case of an administrative offense, the deadline for filing a complaint in cases of administrative offenses, certification of the authority to appeal decisions in cases of administrative offenses, improper certification of a copy of the document confirming the authority.

Данная работа написана по материалам личной работы автора помощником судьи в составе по пересмотру постановлений по делам об административных правонарушениях Московского областного суда. И хотя в статье рассматриваются и классифицируются основания прекращения производства по жалобам на постановления (решение) судов

первой инстанции в судах второй инстанции, данное исследование в полной мере относится к рассмотрению жалоб на постановления по делу об административном правонарушении вышестоящими органами (должностными лицами), а также районными судами.

В КоАП РФ предусмотрены требования к подаче и принятию к производству жалоб

на постановления (решения) судов первой инстанции по делам об административных правонарушениях. Они истолковываются в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а также в судебной практике.

Но в отличие от иных процессуальных кодексов, требования к оформлению жалоб изложены крайне кратко, и в практической работе приходится руководствоваться общетеоретическими представлениями о том, что должно быть указано в жалобе и как должны подтверждаться полномочия лица, ее подписавшего.

Жалобы подаются в районный (городской) суд, принявший обжалуемое решение, либо непосредственно в вышестоящий суд, полномочный рассматривать жалобу.

Следует отметить, что в любом случае, только вышестоящий суд решает все вопросы, связанные с принятием жалобы к своему рассмотрению. Отказ в принятии жалобы (прекращение производства по жалобе), осуществленный судом первой инстанции даже по предусмотренному законом основанию, будет незаконным, как осуществленный ненадлежащим судом. Суд первой инстанции, после получения жалобы, как правило, направляет ее сторонам и после уведомления сторон о дате ее рассмотрения¹ передает ее для рассмотрения в вышестоящий суд.

В ст. 30.4 КоАП РФ предусмотрено, что судья при подготовке к рассмотрению жалобы выясняет, имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу.

Классифицировать требования к оформлению жалобы и срокам ее подачи, несоблюдение которых может повлечь прекращение производства по жалобе, возможно следующим образом²:

1. Направление жалобы в установленный для обжалования срок — 10 дней с момента получения решения суда.

¹ КоАП РФ предусмотрено только направление жалобы с делом в вышестоящий суд, но который обычно и обязывает направлять сторонам жалобы и назначать к рассмотрению, так как суд первой инстанции имеет возможность более эффективно уведомить стороны по делу.

² Автор в данной статье не рассматривает такие случаи, как неподписание жалобы, неуказание требования к суду либо вообще неуказание суда, которому жалоба адресована, и т.п., так как такие недостатки очевидны и не представляют интереса для их рассмотрения.

Частью 1 статьи 30.3 КоАП РФ предусмотрено, что жалоба может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления.

В связи с этим суды должны либо вручать копию решения под личную подпись, либо направлять заказными письмами, срок получения которых в дальнейшем устанавливается посредством идентификатора почтового отправления почты России.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 29.1 постановления от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», постановление вступает в законную силу, как правило, по истечении десяти суток после даты поступления (возвращения) в суд копии данного постановления — в случае, если копия постановления по делу об административном правонарушении, направленная по месту жительства или месту нахождения лица, привлекаемого к административной ответственности, была возвращена судье с отметкой на почтовом извещении об отсутствии этого лица по указанному адресу либо о его уклонении от получения почтового отправления, а также по истечении срока хранения.

Как подчеркнул Конституционный Суд РФ в определении от 29 сентября 2015 г. № 1901-О, исполнение вынесенного постановления не может быть заблокировано по причине невручения лицу, привлекаемому к административной ответственности, копии постановления в связи с его отсутствием по месту жительства или месту нахождения, или в связи с его уклонением от получения почтового отправления, поскольку в любом случае данное лицо уведомляется о ведущемся в отношении него производстве по делу и может и должно осознавать возможные последствия такого производства.

Глава 30 КоАП РФ не предусматривает самостоятельных сроков обжалования для защитника привлекаемого к ответственности лица.

Срок подачи жалобы на постановление (решение) суда первой инстанции устанавливается с момента его получения заявителем и по день направления жалобы в суд. Момент направления жалобы в суд устанавливается либо по штампу прием-

ной суда о получении жалобы — в случае сдачи ее лично, либо по сведениям почты России — штемпелю почтового отправления, или иным сведениям (штемпель может проставляться на следующий день после сдачи отправления в почтовое отделение, в этом случае может быть представлена квитанция о приеме почтового отправления, содержащая необходимую дату).

Следует отметить, что в ряде случаев суды первой инстанции могут направлять сторонам копию решения «простым», то есть не заказным, письмом. Если в таком случае лицо, подающее жалобу, не прикладывает доказательства даты получения копии решения и голословно утверждает, что жалоба подана в установленный 10-дневный срок с момента получения копии постановления (решения), то суду приходится данному утверждению верить, так как в порядке подготовки дела к разбирательству не предусмотрено право суда требовать доказательства обращения в суд с жалобой в установленный срок, а бездоказательный вывод о том, что жалоба подана заявителем по истечении установленного законом срока обжалования, приведет к вынесению незаконного определения об отказе в приеме жалобы.

В арбитражном судопроизводстве жалоба на решение арбитражного суда о привлечении к административной ответственности подается в течение десяти дней со дня его принятия (абзац первый части 4 статьи 206 АПК РФ).

С целью устранения возможности злоупотребления сторонами правами и с учетом указанного арбитражного опыта, представляется целесообразным изменить срок обжалования, установленный в КоАП РФ, на 10-дневный срок с момента вынесения решения в окончательной форме. В этом случае будет возможно требовать заявления ходатайства о восстановлении срока на подачу жалобы во всех случаях ее подачи свыше 10 дней с момента принятия решения, независимо от времени получения решения.

В случае пропуска срока на подачу жалобы он может быть восстановлен в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 30.3 КоАП РФ. Согласно части 2 статьи 24.4 КоАП РФ ходатайство заявляется в письменной форме и может быть подано в виде

отдельного документа либо содержаться в тексте жалобы. Самое главное — в ходатайстве должно содержаться указание на причины пропуска срока.

Уважительными причинами могут быть признаны обстоятельства, которые объективно препятствовали или исключали своевременную подачу жалобы, например, нахождение лица на лечении, применение к лицу изоляционных мер³.

Согласно определению Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 года № 1339-О, в силу части 1 статьи 24.4 КоАП РФ ходатайства о восстановлении срока на подачу жалобы подлежат обязательному рассмотрению судьей, органом, должностным лицом, в производстве которых находится дело, что, однако, не предполагает их обязательное удовлетворение. При этом, как указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях, если пропуск срока был обусловлен уважительными причинами, такого рода ходатайства подлежат удовлетворению судом (определения от 25 декабря 2008 года № 990-О-О, от 21 июня 2011 года № 749-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1066-О-О и др.).

Если ходатайство о восстановлении срока обжалования решения (постановления) отсутствует, то суд второй инстанции отказывает в ее принятии.

2. Полномочия лица, подписавшего жалобу.

Данное требование касается лиц, являющихся защитниками или представителями лица, привлекаемого к ответственности. Законные представители несовершеннолетних обязаны приложить соответствующие документы: копию свидетельства о рождении, опекуновское удостоверение и др.

Представитель потерпевшего либо защитник физического лица, привлекаемого к ответственности, обязаны приложить к жалобе копию доверенности.

По смыслу части 2 статьи 53 ГПК РФ, доверенности, выдаваемые гражданами на участие в производстве по делу, могут быть удостоверены в нотариальном порядке

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства, и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

либо организацией, в которой работает или учится доверитель, жилищно-эксплуатационной организацией по месту жительства доверителя, а также иными должностными лицами, указанными в данной норме⁴.

В силу частей 1, 2 статьи 25.4 КоАП РФ законными представителями юридического лица являются его руководитель либо лицо, признанное в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица.

Как правило, полномочия законного представителя подтверждаются оригиналом или заверенной в установленном порядке копией учредительных документов или выпиской из ЕГРЮЛ.

Необходимо установить наличие реально действующих полномочий. Представление даже решения о назначении на должность еще не говорит о том, что данное распоряжение является реально действующим. Документом, подтверждающим наличие полномочий законного представителя, является выписка из ЕГРЮЛ. Как правило, ее отсутствие влечет принятие решения о прекращении производства по жалобе.

Согласно части 3 статьи 25.5 КоАП РФ полномочия адвоката удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Полномочия иного лица, оказывающего юридическую помощь, удостоверяются доверенностью, оформленной в соответствии с законом.

Доверенность, выданная уполномоченным руководителем юридического лица, подтверждает полномочия защитника юридического лица.

Следует учитывать, что частью 1 статьи 30.1 КоАП РФ предусмотрено, что постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано лицами, указанными в статьях 25.1–25.5.1 названного Кодекса.

По смыслу статей 25.5 и 30.1 КоАП РФ защитник, допущенный к участию в производстве по делу, отнесен к числу лиц, имею-

щих право самостоятельного обжалования постановления по делу об административном правонарушении, то есть без представления доверенности⁵.

Если из содержания материалов дела отсутствует возможность установить, обладает ли лицо, подавшее жалобу, на момент ее подачи, соответствующими полномочиями и относится ли к числу лиц, которым в соответствии с частью 1 статьи 30.1 КоАП РФ предоставлено право на обжалование постановления, то по смыслу положений главы 30 КоАП РФ судья отказывает в принятии жалобы на постановление по делу.

Однако такое решение не лишает права повторно обратиться с жалобой, оформив полномочия надлежащим образом и сопроводив жалобу ходатайством о восстановлении срока на подачу жалобы с указанием уважительных причин пропуска срока.

3. Ненадлежащее удостоверение копии документа, подтверждающего полномочия.

К физическим лицам требования об удостоверении копий полномочий их представителей и защитников, как правило, не предъявляются.

А вот лицо, заверяющее копию доверенности на представление юридического лица, должно иметь на это полномочия, отраженные в доверенности.

Верность копий подлинникам документов могут также свидетельствовать: руководитель организации, который от ее имени действует без доверенности; иное лицо, которому такое право предоставлено локальным актом организации.

Несоблюдение указанных требований к подтверждению полномочий влечет прекращение производства по жалобе.

⁴ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2008 года (утв. Постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2009, от 04.03.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановлением Первого Кассационного Суда общей юрисдикции от 15 января 2021 г. по делу № 16-86/2021 отменено определение судьи Московского областного суда от 13 апреля 2020 г., состоявшееся по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 14 статьи 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в отношении ООО «Оздоровительный комплекс «Раменки» из-за того, что судом не было учтено данное требование закона и в приеме жалобы было отказано из-за предоставления ненадлежащим образом заверенной доверенности.